

ВВЕДЕНИЕ

Для российской психологии современный период является периодом динамичных и радикальных изменений, временем парадоксального сочетания тенденций в ее развитии. Это, *во-первых*, время интеграции мировой науки после длительного периода, когда «школы» развивались относительно независимо, в отсутствие единой общепринятой теории. *Во-вторых*, это время распада целостного научного направления, сложившегося в СССР.

В водовороте происходящих перемен Российской психологии есть что приобрести и — на мой взгляд — есть что терять. В сочетании процессов неизбежной и быстро идущей «глобализации» мировой науки и бурной дивергенции методологических подходов отечественных ученых и практиков сейчас кажутся возможными очень различные варианты будущего.

В результате длительной изоляции за «железным занавесом», когда российская психология фактически выпала из поля зрения зарубежных коллег, современный процесс интеграции мировой науки для отечественной психологии оказался вызовом самому ее существованию в качестве самобытной школы.

Для российской психологии вхождение в контекст мировой науки осложняется особенностями протекания предшествующего периода, когда общая тенденция раскола и относительной изоляции психологических школ усугубилась политическими и идеологическими особенностями развития страны, языковым барьером. Об этом так пишет А. В. Петровский: «Если до начала 30-х гг. все еще сохранялись контакты российских психологов с их зарубежными коллегами, то сразу же после года “великого перелома”¹ эти связи стали очень быстро истончаться. “Железный занавес” опустился в середине 30-х гг., наглухо закрыв возможность включения трудов психологов, физиологов, социологов в контекст развития мировой науки <...>. Только со второй половины 80-х гг. оказался возможным кардинальный поворот, снявший идеологическое табу, столько лет перекрывавшее путь к включению отечественной психологии в общий поток мировой психологической науки» [Петровский, 2000, с. 43–44].

В сознании **зарубежных коллег** отечественная психология представлена в качестве понятия скорее географического: есть огромная Россия (раньше был СССР),

¹ 1929 г.

там живут психологи, они чем-то занимаются — малозначимым, судя по представленности результатов их трудов в зарубежных энциклопедиях. Там жили гениальные И. П. Павлов и Л. С. Выготский, теории которых интегрированы в мировую науку и живут там собственной жизнью. Еще там жили такие ученые, как С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев и некоторые другие, имена которых особо сведущие зарубежные коллеги могут назвать, но никто практически не может сказать, чем именно они прославились. И все это не вызывает ни малейшего интереса.

Отечественные авторы практически не цитируются, не упоминаются в известных периодических изданиях. Показательно, что в многотомной американской психологической энциклопедии [Encyclopedia... 1994] развитие психологии личности в СССР после С. Л. Рубинштейна не только не освещается, но даже не упомянуто. В той же энциклопедии в специальной статье, посвященной опыту выращивания детенышей обезьян в человеческой семье, отсутствует упоминание о первом в мире эксперименте такого рода, выполненном Н. Н. Ладыгиной-Котс еще в 1913–1915 гг. [Ладыгина-Котс, 1935]. Статья начинается непосредственно с соответствующих американских исследований, проведенных на двадцать лет позже.

О недостаточной известности за рубежом отечественной школы говорит и такой факт. Накануне XXVII Всемирного психологического конгресса 2000 г. журнал “European Psychologist” [Tele-interviews, 2000] провел опрос среди 30 крупнейших психологов Европы. Их просили назвать основные достижения психологической науки XX века, основные вехи в ее современной истории, те новые тенденции в развитии психологии, которые, по их мнению, будут определяющими в XXI веке. В числе опрошенных был только один человек из России — А. В. Брушлинский, ответы которого на вопросы анкеты разительно отличались от остальных. А. В. Брушлинский, характеризуя психологическую науку XX века, говорил прежде всего об отечественной школе, ее теориях и концепциях. Остальные мэтры не видели места и роли отечественной школы в развитии мировой науки. Упоминались часто лишь имена И. П. Павлова и Л. С. Выготского.

Так что в глазах мирового научного сообщества отечественная школа, по всей видимости, — не более чем «позитивизм, обросший марксистской фразеологией» [Юревич, 2004, с. 12]². Как собственно научная школа она не воспринимается, ее не только нет, но и не было. Отсюда «миссионерское» отношение к нам сегодня западных коллег, стремление просветить и приобщить, но отнюдь не научиться у нас чему-либо.

Проблема образа отечественной психологии в мире — это не отвлеченная проблема адекватного или неадекватного понимания ее особенностей зарубежными коллегами, это проблема онтологическая, проблема бытия нашей психологии в формирующемся едином контексте мировой науки, проблема ее сущности и существования, ее настоящего и будущего — будущего в структуре мировой науки, а другого будущего не будет. И над этой проблемой нужно работать. Следует

² Отметим, что в числе наиболее ярких и устойчивых традиций, сложившихся в отечественной психологии советского периода, В. А. Кольцова называет высокую теоретичность и отсутствие позитивистских тенденций [Кольцова, 2002].

признать, что в настоящее время образ отечественной психологии в восприятии зарубежных коллег находится на стадии аморфного пятна.

В то же время актуальной тенденцией является и утрата самой отечественной психологией претензий на самобытность. А. В. Юревич с беспощадной честностью пишет о том, что в условиях современности «отечественная социогуманитарная наука постепенно превращается в механизм трансляции знания (а также гипотез, интерпретаций, заблуждений и т. д.), созданного зарубежной наукой, в нашу социальную практику» [Юревич, 2004, с. 13]. Примером проявления подобного профессионального самосознания является статья группы авторов [Balashova et al., 2004] о российской психологии в изданном в США значительным тиражом учебном издании «Интернациональная психология» (“Handbook of International Psychology”). В этой статье сказано: «После Октябрьской революции и гражданской войны, начиная с 1920-х годов, в силу социально политических ориентаций коммунистической идеологии и диктата государственного управления развитие психологии как науки прервалось. На смену эмпирическим исследованиям и свободной научной дискуссии пришел политико-идеологический подход <...>. В силу этого, а также в результате политической и социальной изоляции Советского Союза во время “холодной войны” развитие российской психологии было задержано, так что ее называют “прерванной наукой» [Balashova et al., 2004, р. 294]. Только в результате хрущевской оттепели, по мнению авторов статьи, началось возрождение психологической науки в России, которое — до времени перестройки — описывается в объеме 0,5 страницы и исключительно в терминах открытия факультетов психологии и организации общества психологов.

Такие публикации формируют отношение к нам мирового профессионального сообщества³.

Таким образом, в сознании отечественного профессионального сообщества существование отечественной психологии как самобытной школы сегодня тоже не является фактом.

Для молодых ученых причиной этого является то, что вся ситуация, в которой происходит их профессиональное становление, настраивает их прежде всего на активное усвоение опыта зарубежной психологии. Срастание отечественной науки с западной набирает силу, и процесс этот имеет односторонний характер. Отечественные ученые переводят, излагают, цитируют и включают в образовательные программы концепции западных авторов. Встречное же движение фактически отсутствует. Отечественный книжный рынок сегодня заполнен переводной зарубежной литературой, в том числе прекрасными современными учебными изданиями, которые все шире используются в учебном процессе в российских университетах как студентами, так и педагогами. В этих учебниках тот или иной раздел психологической науки представлен широко и разносторонне, описан понятным языком.

³ Следует заметить, что в качестве исходных, традиционных для российской психологии направлений в статье названы два: клиническая психология и экспериментальная. Духовно-нравственное направление, например, оказавшее существенное влияние на развитие экзистенциальной психологии в мире, вообще никак не упомянуто.

К сожалению, в этих учебниках отечественные теория и методология не только не представлены, но обычно и не упомянуты. Соотнести их с содержанием зарубежных учебников — непростая задача, требующая хорошего владения зарубежной и отечественной теорией.

Ситуация усугубляется тем, что в отечественной науке в настоящее время преимущественно развиваются направления прагматической, прикладной ориентации. Переводятся и воспринимаются преимущественно теории из области прикладной же психологии, причем тех ее областей, которые в силу отсутствия социального заказа и идеологических запретов в отечественной психологии советского периода развиты были не достаточно. Соответствующие зарубежные концепции воспринимаются некритично и не соотносятся с положениями отечественной теории и методологии.

Утрата целостности, общей теоретико-методологической основы, ослабление связей между направлениями и отраслями отечественной психологии проходят на фоне ослабления авторитета естественнонаучного направления, приоритетного в советской психологии, и интереса к нему (Психологическая... 1997).

В результате уже складывается ситуация, зеркально повторяющая ту, которая имела место в период «нормального» развития советской науки. Если двадцать лет назад молодой специалист-психолог знал отечественную теорию и умел ее оперировать, а дополнительно имел некоторые представления о том, что есть еще какие-то иные теории за рубежом, то теперь молодой профессионал, особенно практик, может в доступной ему мере, то есть в рамках того, чему можно научиться, развиваясь вне целостного контекста научной школы, по отдельным переводным изданиям, владеть аппаратом зарубежной науки, имея некоторые представления о том, что были (или есть?) и какие-то отечественные школы.

У наших **ученых старшего поколения** существует определенное внутреннее сопротивление тому, чтобы воспринимать отечественную психологию как школу. Долгое время мы не воспринимали себя как школу, потому что считали себя чем-то большим, чем школа — психологической наукой как таковой, внутри которой существуют школы: школа Леонтьева, Ананьева, Мерлина и др. В определенной мере это общая тенденция, присущая развитию всех школ в период затухания кризиса психологии. Однако в отечественной психологии эта тенденция проявилась с особой силой по причине парадигмального статуса нашей науки в советский период. Признание наличия парадигмы в советской психологии само по себе вызывает сильное сопротивление у существенной части старшего поколения отечественных психологов, привычно фиксирующих внимание на различиях между «внутренними» школами нашей науки и нежелающих за деревьями увидеть лес. Однако можно считать убедительно доказанным исследованиями ученых ИП РАН [Психологическая... 1997], что в результате многолетней работы в русле единой системы в советской психологии сложился общий методологический каркас, который выступал в качестве парадигмы, задающей направления развития, нормы и стратегию проведения исследований. Этот каркас обеспечивал интеграцию и систематизацию данных, полученных учеными, представляющими различные подходы и отрасли. Методологическое единство и системность организации советской психологии

не только не исключали разнообразия различных теоретико-эмпирических подходов и концепций и их полемику, но, наоборот, обеспечивали возможность сопоставления данных, полученных в рамках разных школ, существующих в едином методологическом пространстве.

Думать, что мы — вся психологическая наука, больше уже невозможно. Тем не менее «геоцентризм», идущий из эпохи парадигмального развития отечественной школы, препятствует ей сегодня в осознании себя как одной из великих школ психологии, уникальной, но не единственной по своим подходам и разработкам. Между тем выявление самобытности отечественной школы, ее отличности и полемического потенциала по отношению к положениям других школ необходимо для того, чтобы разработанные в советский период теория и методология заняли достойное место в формирующемся контексте мировой психологической науки.

Отечественное профессиональное сообщество и каждый из его членов в отдельности стоят сегодня перед необходимостью выбора одного из трех возможных путей развития:

- Согласиться с тем, что ничего существенного, сопоставимого по значимости с достижениями зарубежной психологии советской наукой сделано не было, принять роль представителей «развивающейся» провинции мировой науки. При этом теоретико-методологическое наследие российской психологии советского периода с неизбежностью ждет судьба артефактов умершей цивилизации.
- Признавая достижения отечественных авторов, приняв роль «наследников» советской психологии, перетолковать и перекроить это «наследство» по образцу и подобию западной науки, акцентируя сходства и параллели, адаптировать отечественные психологические теории к западным, придавая при этом последним статус обобщающих научных систем. В отношении таких достаточно распространенных сегодня попыток актуально звучат слова Л. С. Выготского: «При таких попытках приходится просто закрывать глаза на противоречащие факты, опускать без внимания огромнейшие области, капитальные принципы и вносить чудовищные искажения в <...> сводимые воедино системы» [Выготский, 1982, с. 330].
- Обозначить самобытность отечественной психологической школы, акцентировать ее полемический потенциал по отношению к другим школам. Включиться в мировой процесс, не потеряв собственного лица, как самостоятельное направление, которое в принципе не может быть сведено ни к одной из принятых за рубежом теорий.

Третий путь — самый сложный, но только он обеспечит для отечественной науки возможность стать полноценной частью единой мировой психологической науки, которая формируется на наших глазах, ибо «цельность в науке — это не монолитное единомыслие, а возможность сойтись в споре, значимость противостояния позиций и подходов» [Василук, 2003, с. 3].

Основополагающим моментом и первым шагом в этом плане представляется самоопределение отечественной психологии в контексте мировой психологической науки, которое должно стать основой интеграции отечественной теории и методологии в мировую науку.

Является ли отечественная психология советского периода самобытной школой? Представляется, что есть основания считать ее одной из великих школ XX века, школой, которая обладает уникальной, изощренной теорией и методологией и потрясающим опытом экспериментирования и эмпирических доказательств.

Задавшись целью показать самобытность отечественной школы в контексте различных направлений мировой психологической науки, в поисках общих оснований для соотнесения теорий целесообразно обратиться к биосоциальной проблематике, так как именно эта проблематика стала центральной для исследований человека и для практической психологии в XX веке. Ускорение исторического процесса к XX веку привело к быстрым и радикальным изменениям в культуре. Биосоциальная проблема, традиционно понимаемая как соотношение в человеке вечного (биологического) и изменяющегося с течением поколений (социального), обрела новое измерение — соотношение сравнительно устойчивой человеческой психики с изменчивым социумом — и новую актуальность. Каждый период в развитии науки имеет своего рода «визитную карточку» — основную проблему, вокруг которой концентрируются усилия ученых; в поисках решения этой проблемы достигаются максимальные научные достижения своего времени. «Нервом» психологических исследований и теорий XX — начала XXI веков является проблема биосоциальная [Мироненко, 2002; 2003 б; 2005]. Таким образом, представления о биологическом и социальном в детерминации человеческой психики, развиваемые различными школами, можно использовать в качестве базиса для сопоставления этих школ.

В этой книге предпринята попытка определить место и роль отечественной биосоциальной теории в контексте интеграции современных различных направлений и школ мировой психологической науки. Под «отечественной биосоциальной теорией» здесь и далее понимается система обобщенных положений о роли биологического и социального в детерминации человеческой психики. Эта система знаний объединяет различные теоретические направления и отрасли отечественной психологической науки XX века. Она обеспечивает общий теоретико-методологический контекст, в котором эти направления и отрасли могли обмениваться информацией и вступать в конструктивные дискуссии.

Отечественную психологическую науку отличает уникальная, исторически сложившаяся в силу социокультурных особенностей России, обусловленная достижениями российской физиологической науки рубежа XIX–XX вв. традиция четкого различения, разведения социального и биологического в человеке, рассмотрения социализации как запрета природного и естественного поведения, подход к культуре как к силе, выводящей человека за пределы власти законов природы. Традиция подлинно диалектического подхода к проблеме развития человека, построенного на понимании развития как разрешения внутренних противоречий, заложенных в самой природе человека, а не являющихся результатом каких-либо дефектов социального окружения.

Представляет ли интерес отечественная теория в контексте актуальных проблем и дискуссий современной зарубежной психологии?

Можно утверждать, что исследования в русле отечественной биосоциальной теории не повторяют выводы ведущих зарубежных школ и не противоречат им,

но заполняют существенно иное предметное пространство. Это предметное пространство ранее на западе практически не исследовалось, а сегодня является областью интенсивных разработок и бурного роста теорий в силу их востребованности и актуальности. На рубеже XX–XXI вв. политика и идеология в мире изменились. Мир уже не строится на антагонизме двух систем, что снизило идеологическое напряжение в области биосоциальных теорий. Это делает перспективным налаживание конструктивного диалога и формирование для отечественной науки общего научного контекста с новейшими направлениями, как теоретическими, так и конкретно-психологическими, возникшими на западе в посткризисный период.

Это прежде всего такие теоретические направления, как эволюционная психология и социобиология, социальный конструктивизм, кросскультурная психология, а также такие области конкретно-психологических исследований, как

— life-span human development,

— развитие человека в период взрослости,

— личность как определяющий фактор и интегратор психических процессов и состояний,

— кросс-культурная психология,

— самореализация личности.

В русле данных направлений общность предметного пространства и отсутствие идеологического пресса позволяют прогнозировать возможность конструктивного диалога с отечественной теорией.

Отечественная теория несомненно самобытна и в большой степени, как это присуще великим теоретическим школам, обладает потенциалом интеллектуального вызова оппонентам, потенциалом для разворачивания полемики. **Почему смелость, радикальность и острая полемичность отечественной теории нуждаются в доказательствах, не являются очевидными?**

А. В. Петровский называет способ существования отечественной психологии при советской власти тактикой выживания [Петровский, 2000]. Возможно, как один из аспектов этой тактики следует рассматривать ту своеобразную маскировку «острых углов», затушевание полемического потенциала работ, которые закрепились в нашей науке в советский период. «Позитивизм, обросший марксистской фразеологией» [Юревич, 2004, с. 12], действительно составлял внешнюю поверхность советской психологии. Внимание цензоров, привлеченное яркими, полемически заостренными положениями, оборачивалось запретом, если не уничтожением, по всей видимости, «на всякий случай», чтобы не пропустить что-нибудь опасное. Вспомним судьбу таких «смелых», как Л. С. Выготский, В. А. Вагнер, Б. Ф. Поршнев. Эти ученые не грешили против официальной идеологии марксизма, напротив, они были даже слишком последовательными марксистами в использовании диалектического метода, в своем подходе к человеческой психике как к явлению изначально внутренне противоречивому, развитие которого потому и происходит с неизбежностью, что основано на внутреннем противоречии. Они не были репрессированы, но их труды фактически не публиковались прижизненно, игнорировались официальной наукой, уже набранными исчезали в типографиях.

А. В. Юревич говорит об утрате современной отечественной социогуманитарной наукой, и в первую очередь психологией, претензий на «самобытность», о том, что отечественные ученые «как “интеллектуальные посредники” <...> играют очень важную и вполне творческую роль, однако свое традиционное предназначение в качестве производителей нового знания они начинают утрачивать.

И это — возможно, главный результат «адаптации» отечественной социогуманитарной науки к тому социальному контексту, который сложился в современной России» [Юревич, 2004, с. 13] (курсив наш. — И. М.).

Школа в науке — явление временное. Возможно, наступает естественный конец той школы, которая сложилась в СССР. В то же время есть основания думать, что возможно возрождение этой школы в новом облике, соответствующем реалиям современности, в чем-то радикально отличной от советского периода, но что-то главное в традиционной парадигме развивающей. Конечно, не следует рассчитывать, что все, получившие диплом психолога в современной России сплотятся в единое моно методологическое течение, как это было в советский период. Это и невозможно, и ненужно. Существенная часть этих людей уже и не имеет прямого отношения к той школе, которая развивалась в России на протяжении большей части XX века. Достаточно вспомнить, что в 1984 г. в России психологов выпускали три университета (девять в СССР), и в весьма ограниченном количестве, а сейчас более 300 ВУЗов России ежегодно выпускают более 5000 психологов. При таких темпах роста психологического сообщества на фоне методологической эклектики бороться следует не за методологическое единство, а за сохранение норм научности в целом.

Российская психология сейчас подобна кораблю, идущему между Сциллой западных направлений и Харибдой ненаучности, и держаться следует ближе к Сцилле.

Пусть каждый примкнет к той школе, которая ему ближе. Однако мне кажется, что и школа, сложившаяся в России, не исчерпала своего потенциала: при условии необходимой герменевтики она представляется остроактуальной в контексте тенденций развития мировой психологической науки и имеет все основания войти в психологическую науку XXI столетия в качестве самобытной.

На мой взгляд, отечественная психология сегодня стоит перед необходимостью решения двух взаимосвязанных задач:

- во-первых, задачи интеграции в качестве самобытной школы в числе других направлений и школ в структуру единой мировой мультипарадигмальной науки;
- во-вторых, задачи сохранения статуса и сущности науки, что требует четкого размежевания с ненаучными формами психологического познания.

Обе эти задачи объективно поставлены условиями развития психологии в современном обществе, они продиктованы самой жизнью. Эти задачи отвечают общим тенденциям в развитии мировой психологической науки, и в то же время именно в России их решение сопряжено со специфическими сложностями, требует особых усилий от профессионального психологического сообщества. М. К. Мамардашвили писал: «Древние философы утверждали, что зло делается само собой, а добро

нужно делать специально и все время заново, оно, даже сделанное, само не пребывает, не существует. Этот вывод, как мне представляется, в равной мере относится <...>, с одной стороны, к науке как познанию (этой мерцающей, пульсирующей точке, связанной с возможным человеком и требующей постоянного, специального усилия), а с другой стороны, к науке как собственно культуре (в смысле человекообразующего действия упорядочивающих жизненный хаос структур)» [Мамардашвили, 1982, с. 57].

Глава 1

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

1.1. Отечественная психология в постсоветский период

Изменения в социально-политической жизни России в конце XX столетия привели к кардинальным преобразованиям в психологической науке. В развитии психологии в постсоветской России явно выделяются два периода, которые различаются ведущими тенденциями. Первый период — с конца 80-х гг. до конца века — можно обозначить как «время разбрасывать камни». С начала нового века наступило время «собирать камни».

В конце 80-х гг. идеологическое давление и контроль в науке, характерные для советского периода, существенно ослабли. Появились возможности для изложения и отстаивания точек зрения, оппозиционных традиционным для советского периода взглядам. Как отмечается в изданной ИП РАН монографии «Психологическая наука в России XX столетия» [Психологическая... 1997], с начала 90-х гг. развернулся процесс пересмотра и критики исходных методологических и теоретических принципов. Прошли «круглые столы», посвященные обсуждению вопросов значения марксизма в психологии, возможностям гуманистической парадигмы и ограничениям естественнонаучной ориентации в изучении человека. Был опубликован ряд проблемных статей на тему о нетрадиционных и новаторских подходах в изучении психики.

Возможность подобной дискуссии после десятилетий, когда данная тема считалась запретной, безусловно, явилась значительным достижением и источником развития современной психологии в России. Однако в развитии постсоветской психологии закономерно сочетались как позитивные, так и негативные тенденции.

Характеризуя в целом состояние психологии в России этого периода, авторы монографии «Психологическая наука в России XX столетия» обозначают его как переходный период от устойчивой, унифицированной и моноструктурированной системы к новой, наиболее существенные особенности которой прогнозировались следующим образом [Психологическая... 1997]:

- научно-практическая и прикладная ориентированность психологических исследований;
- плюралистичность в выборе исходных теоретико-методологических оснований;
- многообразие форм профессиональной подготовки психологов и применения их знаний и умений;
- более узкая специализация психологов;

— достаточно жесткая детерминация тематики психологических исследований со стороны запросов общества;

— прагматизация взглядов психологов относительно своего будущего в психологическом сообществе.

Далее в цитируемой монографии отмечено возрастание в российской психологии удельного веса элементов и компонентов западноевропейской и американской моделей.

Важной тенденцией постсоветской психологии в России является принципиальное изменение приоритетности фундаментальных и прикладных разработок в пользу последних [Психологическая... 1997]. В советской психологии авторитетность фундаментальных разработок была очень высока. Ученые, работавшие в этой области, пользовались поддержкой государственных структур, что обеспечивало им высокий статус и достойную оплату труда. Интересно, что Ж. Пиаже, вспоминая о своем визите к советским коллегам в конце 50-х гг., отмечает высокий социальный статус ученых в СССР, огромное уважение, которым они пользуются в обществе [Piaget, 1996]. Это создавало возможности притока в фундаментальную науку лучших сил, наиболее способных людей.

С разрушением системы государственного финансирования фундаментальных исследований и появлением альтернативных государственным источников субсидирования прикладных разработок ситуация резко изменилась. Большинство ученых вынуждено было переориентироваться на работу в области практической психологии. Более того, отмечается [Психологическая... 1997], что статус теоретической работы в среде молодых психологов стал достаточно низким. То, что было сильной стороной отечественной школы, — наличие мощных теоретических концепций и профессиональных специалистов в области теории и методологии — оказалось в значительной мере невостребованным.

Адекватное понимание процессов в российской психологии последних десятилетий XX века невозможно без анализа места и роли психологической науки в российском обществе и порождаемых ситуацией взаимодействия с обществом проблем в развитии науки. Такой анализ представлен в статье А. В. Юревича «Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту» [Юревич, 2004]. Данная статья позволяет прийти к следующим выводам.

1. В обществе имелся выраженный и хорошо обеспеченный финансами социальный заказ на проблематику, относящуюся к предметной области психологической науки — к определенной части гуманитарного раздела этой области:

— обслуживание мира политики: улучшение политических имиджей, подготовка и проведение избирательных компаний, зондирование и «зомбирование» общественного мнения;

— в области бизнеса создание наиболее выгодных для продавца условий его взаимодействия с покупателем, оптимизация внутренних механизмов деятельности коммерческих структур, а также оправдание характера современного российского бизнеса и преподнесение его обществу как единственно возможного.

2. Данный спрос породил подъем в развитии социогуманитарных наук, своего рода «бум».

3. Результатами подъема, оживления на рынке, явились:

- приток в указанную предметную область новых сил, как профессионально подготовленных, так и дилетантов;
- бум в области гуманитарного образования, сопровождающийся снижением его стандартов и вариативностью форм;
- усиление и ужесточение борьбы за рынок, развитие разнообразных форм борьбы, от «войн экспертов» до войн теорий.

Добавим сюда обширное поле работы с защитными механизмами фрустрированного населения (см. о постсоветском сознании, например, [Андреева, 2000]), что также дополняет потребительский «бум» на рынке практической психологии.

В борьбу за огромный социальный заказ, относящийся к области психологии, сегодня активно включились вне- и околонучные формы познания — поп- и парapsихология, широко и незаконно использующие брэнд психологической науки для продвижения своего товара. На российском рынке они и сегодня успешно конкурируют с научной психологией [Юревич, 2005]. Происходил целенаправленный и активный процесс размывания границ социального института психологической науки, как извне (людьми, не имеющими профессионального статуса психолога), так и изнутри (сертифицированными специалистами).

В лаборатории истории психологии ИП РАН под руководством В. А. Кольцовой было проведено исследование направлений и тенденций развития российской психологии в 80-е — 90-е гг. XX века [Кольцова, 2002]. Объектом был избран массив книжных публикаций по психологии, изданных в 1980–1995 гг. Для выявления тенденций развития психологии в указанный период использовалось распределение публикаций по отраслям и направлениям психологии и внутри направлений — по проблемам. Полученные данные позволили обнаружить ряд интересных тенденций, отражающих особенности развития отечественной психологии в последние два десятилетия.

Во-первых, выявлен неуклонный рост количества публикуемых книг по психологии, что свидетельствует о растущей значимости психологического знания в жизни общества, а также о расширении внутренних ресурсов самой психологической науки.

Во-вторых, прослежены связи роста количественных показателей развития науки с социально-историческими факторами, в первую очередь политическими и экономическими, что отражается в пиках подъемов и спадов в количестве публикаций: подъем приходится на 1990 г., спад — на 1992 г.

В-третьих, отмечается несоответствие количества публикаций и рассматриваемых в них проблем за счет таких работ, в которых охватывается сразу несколько проблем, что свидетельствует о расширении междисциплинарных связей. Согласно данным науковедения, это и есть так называемые точки роста в развитии науки.

При изучении распределения публикаций по отраслям и направлениям психологии выделились 4 направления-фаворита, объем публикаций по которым составил от 200 до 503 печатных единиц:

1. общая психология (503),
2. социальная психология (387),

3. психология личности (230),
 4. парапсихология (203).
- Далее по убывающей следуют такие направления:
5. история психологии (171),
 6. научно-популярная литература (145),
 7. практическая психология (141),
 8. возрастная психология (114),
 9. психология труда (95),
 10. психодиагностика (89),
 11. педагогическая психология (75),
 12. психология управления (63),
 13. психология творчества (61).

Наименее представлены в книжных изданиях анализируемого периода направления, объем публикаций по которым не превысил 5 печатных единиц:

- сравнительная психология (1).
- нейропсихология (3),
- эволюционная психология (3),
- психометрия (4).

Бесспорное лидерство по количеству научных публикаций принадлежит общей психологии как системному основанию психологической науки. По мнению авторов цитируемого исследования, большое количество научных публикаций в этой области свидетельствует о сохранении традиционно высокого уровня теоретичности отечественной науки. Отметим, однако, что рост количества публикаций книг по общей психологии начиная с 1994 г. отчасти может являться и следствием роста популярности психологического образования, который повлек за собой повышение спроса на учебные издания, относимые к данному разделу рубрикатора. Представляется, что подсчет с разделением на отдельные категории учебных и научных изданий мог бы существенно дополнить и изменить картину в отношении общей психологии.

Интенсивный рост социальной психологии связан, по мнению авторов исследования, с усилением научно-практической и прикладной ориентированности психологических исследований, а также с усложнением процессов социальной адаптации человека в условиях изменяющегося общества.

Приоритетная позиция психологии личности ярко отражает тенденцию к гуманизации психологии. В динамике развития психологии личности наблюдается плавное увеличение количества публикаций с 1986 по 1989 гг., а к 1995 число публикаций вырастает почти в два раза по сравнению с началом 90-х гг.

Обращает на себя внимание высокая представленность в массе публикаций парапсихологии. Интересна динамика роста публикаций по парапсихологии. Начавшись практически с нулевого уровня в 1980–82 гг., это направление постепенно наращивает темпы публикаций, а с 1992 г. их рост становится стремительным. Авторы цитируемого исследования высказывают мнение, что данный факт свидетельствует прежде всего о «феномене конца века» и нестабильности общества, когда на фоне утраты духовных основ растет тревога за будущее и начинается поиск

новых «мессий» и смыслов жизни. Также данный факт рассматривается «как показатель начавшегося методологического кризиса науки, размывания ее границ, утраты строгих критериев научности» [Кольцова, 2002, с. 16].

Уверенная позиция истории психологии объясняется тем, что в переломные моменты истории, к каким несомненно можно отнести рассматриваемый период, особенно сильно проявляется тенденция к осмыслению происходящего и к рефлексии над прошлым. В кризисные периоды обостряется интерес к истории, стремление найти в ней точки опоры для дальнейшего движения. Как отмечает Н. А. Бердяев, само понятие “историческое” выступает как функция переломного, кризисного времени.

В возрастной и педагогической психологии «пик» роста публикаций совпадает и приходится на 1987 г., что является отражением общей тенденции к гуманизации общества и начинающейся перестройки образования. В дальнейшем динамика развития этих двух областей расходится. Интерес к возрастной психологии остается стабильным, число же публикаций по педагогической психологии в 90-е годы идет на спад.

Существенно снизился по сравнению с доперестроечным периодом интерес к психологии труда, инженерной психологии и психологии управления.

Отмечено появление нового направления — христианской психологии, контуры которой все больше обозначаются к середине 90-х гг. Ее развитие обусловлено национальной культурой и потребностью людей в осмыслении духовных основ жизни.

Наряду с анализом дисциплинарной структуры психологии в данном исследовании проводилось также описание структуры и динамики проблемного поля психологии. Изучение проблемных зон внутри направлений с помощью метода подсчета количества публикаций и кластерного анализа позволило выделить 20 проблем, поставленных наиболее ярко и привлекающих наибольшее внимание в отечественной психологии анализируемого периода.

Приводим перечень проблем, проранжированных в соответствии с количественной представленностью публикаций: психология общения (86); психологическое наследие ученых (65); психология личности (общие вопросы) (59); психология мышления и интеллекта (56); психология эмоций и чувств (49); история развития направлений в психологии (47); психотерапия (46); социальная психология (общие вопросы) (43); психология памяти (42); психологическое тестирование (41); психология сенсорно-перцептивных процессов (38); методы исследования в психологии личности (36); психология деятельности (29); психологический практикум (27); психология влияния (24); психология творчества (22); возрастная психология (19); психология сознания и самосознания личности (18); психология подросткового возраста (17); психология макросоциальных процессов (16).

Авторы цитируемого исследования отмечают появление новых проблем, ранее не отмеченных особым вниманием психологов: психологии духовности, акмеологии, суицидологии, психологии наркозависимости, психологии безопасности жизнедеятельности, психологии социальной работы, психологии создания информационных систем, психологии бизнеса, рекламы, имиджа и т. п.

Характеризуя в целом общее состояние психологии в России на рубеже 80-х — 90-х гг. XX века, В. А. Кольцова описывает его как переход от устойчивой, унифицированной и моноструктурной системы к новой системе, построенной на иных основаниях. Контуры ее уже можно было прогнозировать с определенной степенью вероятности. Это:

- возрастание научно-практической и прикладной ориентированности психологических исследований. Усиление связи с практикой и ее ориентирующей роли в развитии научно-исследовательской деятельности, что обуславливает интенсивное развитие таких отраслей и проблем, как практическая психология, психодиагностика, психотерапия, прикладные отрасли социальной психологии;

- расширение проблемного поля исследований;

- усиление тенденций к внутринаучной рефлексии и активное освоение опыта зарубежной психологии;

- увеличение числа междисциплинарных комплексных исследований;

- лидирующее положение такой фундаментальной отрасли, как общая психология, что свидетельствует о сохранении тенденции к фундаментальности научных разработок и системному строению психологии и может рассматриваться как результат влияния традиций отечественной науки и внутренней логики ее развития;

- появление и развитие социально-детерминированного блока отраслей — психологии рекламы, бизнеса, имиджа, безопасности жизнедеятельности, а также психологии духовности, акмеологии, суицидологии, психологии наркозависимости и других;

- размывание границ классической научной психологии и проникновение в нее околонучных (парапсихология) и вненаучных (религия, искусство) идей;

- неравномерный, гетерохронный характер развития отраслей и проблем психологической науки, проявляющийся в неравномерности их подъемов и спадов.

Обнаружены различия в интенсивности и динамике развития дисциплинарно-проблемного строения психологии в советский и постсоветский периоды, что проявляется в резком увеличении количества публикаций по психологии и серьезном изменении проблемного поля исследований. Отход от старой идеологии привел к необратимым изменениям в содержании и структуре научного знания, что еще раз подтвердило: наука является социально детерминированным явлением.

Обращаясь к проблеме интеграции отечественной психологии в общемировой контекст, в свете вышеизложенного можно сформулировать некоторые положения.

Не вызывает сомнения тот факт, что в постсоветский период сразу же сложилась ориентация Российской психологии на активное усвоение опыта зарубежной науки. И сегодня срастание отечественной науки с западной продолжается и набирает силу. Однако обозначившиеся в его ходе тенденции внушают определенные опасения: интеграция происходит несимметрично и неравноправно.

Во-первых, процесс принятия и включения в свой контекст чужеродных элементов имеет односторонний характер. Отечественные ученые переводят, излагают, цитируют и включают в образовательные программы концепции западных авторов. Встречное же движение фактически отсутствует, отечественная наука начиная с середины XX века остается недостаточно известной мировому научному

сообществу и не вызывает интереса. Укрепляется отношение к российским ученым как к представителям развивающейся страны, которые следуют по пути, проложенному западными коллегами.

Во-вторых, в силу того что в отечественной науке в постсоветский период преимущественно развиваются направления прагматической, прикладной ориентации, переводятся и воспринимаются преимущественно теории из области прикладной же психологии, причем тех ее разделов, которые в силу отсутствия социального заказа и идеологических запретов в отечественной психологии советского периода развиты были недостаточно, соответствующие концепции воспринимаются некритично и не соотносятся с положениями отечественной теории и методологии. Можно утверждать, что в отечественной науке конца XX века нарушены связи, когда-то крепкие, между ее отраслями и фундаментальной теорией. Отечественная теория и методология уже не является основой для развития отраслей.

Таким образом, отечественная фундаментальная наука оказывается отрезанной от таких источников поддержания жизни, как госзаказ и возможности прикладного использования.

Утрата целостности, общей теоретико-методологической основы, ослабление связей между направлениями и отраслями отечественной психологии проходит на фоне ослабления авторитета естественнонаучного направления и интереса к нему (о чем можно судить по цитированным выше данным о публикациях). Минимум публикаций приходится, по данным исследования Кольцовой, на сравнительную психологию — одно из самых ярких, самобытных, теоретически сильных и традиционных направлений отечественной науки. Показательно, что в многотомной американской психологической энциклопедии [Encyclopedia... 1994] в специальной статье, посвященной опытам выращивания детенышей обезьян в человеческой семье, подобно ребенку, отсутствует упоминание о первом в мире исследовании такого рода, выполненном Н. Н. Ладыгиной-Котс [Ладыгина-Котс, 1935].

В последние годы XX века ситуация несколько изменилась: вышел из печати ряд книг по зоопсихологии, прежде всего учебников и учебных пособий. Однако обращает на себя внимание тот факт, что авторами в большинстве случаев являются не психологи, а биологи, и книги эти во многом входят в противоречие с основополагающими положениями отечественной школы сравнительной психологии. Да и в большинстве ВУЗов сегодня сравнительную психологию преподают будущим психологам биологи.

Так, в широко распространенных учебниках, написанных биологами (Зорина, Полетаева, 2000; 2001), трактовка соотношения инстинктивного и прижизненно приобретенного поведения, соотношения психики человека и психики животного оказывается ближе к американскому бихевиоризму, чем к положениям, выработанным отечественной школой сравнительной психологии и представленным в трудах В. А. Вагнера, Н. Н. Ладыгиной-Котс, А. Н. Леонтьева, Н. А. Тих, П. Я. Гальперина. Естественно, что положения, выработанные основоположниками школы, могут и должны подвергаться критике и пересматриваться последователями. Однако при сохранении преемственности в развитии школы отказ от установившихся в ней положений должен становиться предметом обсуждения, быть аргументированным. В данном же случае речь идет о равнодушном

игнорировании авторами чужеродного материала — отечественных сравнительно психологических концепций.

Таким образом, ослабление интереса отечественных психологов к зоологии, биологии, физиологии и другим естественным наукам приводит к тому, что пограничные области занимают “соседи”, уже со своей методологией, и между этими областями и фундаментальной теорией также образуется разрыв. В то же время отечественная теория, в том числе и прежде всего теория биосоциального единства человека, при условии необходимой герменевтики представляется остроактуальной в контексте тенденций развития мировой психологической науки, в которой, как можно судить по материалам последних всемирных и европейских конгрессов, безусловно преобладают тенденции естественнонаучной ориентации, предметно близкие отечественной школе советского периода.

Н. Н. Ладыгина-Котс и другие российские психологи своими трудами еще в начале XX столетия заложили фундамент нового раздела психологической науки — эволюционной психологии. Следует отметить, что их подход радикально отличается от того направления эволюционной психологии, которое бурно развивается в современной мировой науке. Эволюционная психология как новейшее научное направление в западной науке [Dawkins, 1976; Cartwright, 2000] возникла в русле развития социобиологии [Wilson, 1975]. Исследования современных эволюционных психологов являются областью бурного и плодотворного развития в мировой психологии, здесь уже появились яркие теории, такие как модульная теория мышления [Tooby, Cosmides, 1990; Tooby, Cosmides, 1992], меметика [Dawkins, 1976]; проведены парадоксальные и часто шокирующие эмпирические исследования [Daly, Wilson, 1988; Cartwright, 2000].

Заслуживает внимания то, что в работах российских психологов данное предметное поле начало разрабатываться существенно раньше, чем на Западе и с существенно иных, по сути, альтернативных, теоретико-методологических позиций. Представляется, что это различие подходов делает работы отечественных специалистов по сравнительной психологии особенно актуальными в контексте современного развития мировой науки, свидетельством чему является переиздание Оксфордским университетом в 2002 г. самого известного труда Н. Н. Ладыгиной-Котс, «Дитя шимпанзе и дитя человека ...» (1935 г.)⁴.

Представляется, что и то сближение науки с околонучными (парапсихология) и вненаучными (искусство, религия) подходами, которое наблюдается в отечественной психологии постсоветского периода, идет в разрез с тенденциями, преобладающими в мировой фундаментальной науке, и не способствует полноценной интеграции отечественной школы в единый мировой контекст.

Также представляются негативными с точки зрения полноценной интеграции плюрализм в формах психологического образования и узкая специализированная подготовка психологов, которые отмечены выше как тенденции развития отечественной школы того периода. В конце XX века процесс объединения

⁴ “Infant Chimpanzee and Human Child: A Classic 1935 Comparative Study of Ape Emotions and Intelligence”. Oxford University Press, 2002.

Европы вызвал к жизни ряд проектов разработки единых стандартов профессий. Среди них так называемый проект Eurorsuch, финансируемый Европейским союзом психологов и реализуемый в основном силами Европейской федерации профессиональных союзов психологов (EFPPA), направленный на создание единого диплома о психологическом образовании, действительного во всех европейских странах. Цель создания единого диплома — общеевропейский рынок труда для психологов, возможность работать в любой европейской стране и создание общеевропейской единой правовой базы, регулирующей профессиональную деятельность в сфере психологии, с целью обеспечения гарантий высокого уровня соответствующих профессиональных услуг для населения европейских стран.

Обязательным условием достижения этих целей является формирование единого стандарта знаний, которыми должен обладать специалист, получающий диплом о высшем образовании. Выработка такого стандарта предполагает соотнесение в едином контексте подходов, развиваемых весьма многочисленными и разнообразными научными школами, существующими в современной психологической науке. Это непростая задача, над решением которой работают и Европейский союз психологов, и Европейская федерация профессиональных психологических ассоциаций [Lunt, 2000; Newstead, Makkinen, 1997]. Требования европейских психологов к стандарту образования очень высоки.

Снижение требований к психологическому образованию в постсоветской России, стремительное расширение этого образования, не достаточно подкрепленное методически, которое имело место в рассматриваемый период и отчасти продолжается и сегодня, являются факторами, препятствующими полноценной интеграции отечественной психологии в мировую науку.

Представляется уместным вспомнить и трагический опыт отечественной школы — разгром педологии, существенную роль в котором сыграло и то, что педология была скомпрометирована в глазах общества деятельностью недостаточно профессионально подготовленных специалистов, наскоро переученных представителей других профессий, которыми спешно заполняли места в открываемых повсюду педологических лабораториях [Психологическая... 1997].

1.2. Фундаментальная психология в России в 80-х — 90-х годах XX века

В рассматриваемый период продолжалось, несмотря на трудности, и развитие фундаментальной психологии в крупных научных центрах, сохранивших традиции и квалифицированные кадры.

Существенной тенденцией в психологии в 80-е — 90-е гг. стало усиление так называемого гуманистического подхода, в определенном отношении альтернативного социалистической идеологии. Для советской идеологии было характерно не только создание стандартной модели личности «советского человека» и провозглашение утопического тезиса о гармоничной всесторонне развитой личности, но и традиция подхода к человеку (в том числе и к самому себе) как к средству достижения стоящих перед обществом целей, утверждение принципа «советский человек

может все»⁵. Гуманистический подход к человеку в психологии выразился прежде всего в нарастающем внимании к цене человеческой деятельности, к личностно-психологическим затратам, ценой которых достигается тот или иной результат. В русле этой тенденции нарастает внимание к проблемам здоровья и болезни человека, к проблемам психического здоровья личности. Начинается бурное развитие психотерапии, консультирования, психодиагностики.

Важной особенностью развития психологии личности в 80-е — 90-е годы является также обращение к исследованию реальной личности и создание таких моделей, в которых воплощались бы особенности личности данного общества в данный период времени. Эта тенденция не является новой для отечественной школы, она была максимально выражена в психологии двадцатых годов. В силу этой тенденции исследования приобретают все более конкретный характер.

Большинство фундаментальных научных разработок в этот период, несмотря на упразднение в отечественной психологии тех идеологических барьеров, которые сдерживали свободное творческое развитие психологов, по-прежнему опирается на принципы, обоснованные в рамках советской психологии. В 80-е — 90-е годы исследования в области психологии личности представлены несколькими направлениями [Психологическая... 1997].

Во-первых, предпринимаются попытки рассмотреть личность как целое — как систему, включенную в общественные отношения, общение (Б. Ф. Ломов, А. А. Бодалев и др.), как развивающуюся систему (Л. И. Анцыферова), как систему, включенную в отношения коллектива (концепция деятельностного опосредования межличностных отношений А. В. Петровского и личностных «вкладов» в другого человека В. А. Петровского).

Второе направление — это, напротив, изучение отдельных личностных образований: способностей, эмоций, мотивов, воли, сознания, самосознания, потребностей. Учениками и продолжателями Рубинштейна разрабатывается концепция зонного (с учетом актуального и потенциального характера) строения системы мотивации [Асеев, 1976; 1990; 1993]. В ряде работ раскрываются механизмы духовных, эстетических, нравственных потребностей (Л. И. Анцыферова, Г. С. Тарасов, И. А. Джидарьян) и дискутируется вопрос о самой природе потребностей (П. В. Симонов и др.). В русле деятельностного подхода осуществляются исследования таких высших личностных образований, как сознание [Петренко, 1983; Зинченко, Моргунов, 1994 и др.]. Разрабатывается теория самосознания (В. В. Столин, И. И. Чеснокова). Проводится теоретический анализ эмоций (В. К. Вилонас), соотношения эмоций и чувств (Б. Д. Додонов), предлагаются теоретическая типология переживаний (Ф. Е. Василюк) и эмпирическая типология эмоций (А. Е. Ольшанникова).

В 80-е — 90-е годы продолжается теоретическая и эмпирическая разработка одной из труднейших проблем: соотношения личности, субъекта, индивида (как природного уровня организации) и индивидуальности. Сложность проблемы,

⁵ Отметим, что такое отношение имеет глубокие корни в отечественной культуре, например, в дневниках Л. Н. Толстого настойчиво повторяется мысль о необходимости относиться к себе как к орудию улучшения мира, заботиться о себе лишь постольку, поскольку это необходимо для поддержания себя как орудия.

во-первых, заключается в том, что понятие индивида употребляется в нескольких значениях без их четкой дифференциации. В первом (близком психологии) социально-философском контексте (прежде всего у Маркса) оно обозначает общественного индивида, употребляется для раскрытия социальной сущности личности как совокупности общественных отношений (последнее становится наиболее общепринятым определением личности). Однако понятие индивида в этом смысле не раскрывает сущности личности, так как одновременно понятием «индивид» в философии обозначается любое единичное явление, особь. В самой же психологии все более и более понятие индивида используется для обозначения именно биологической, а не социальной природы человека. Отмечается [Психологическая... 1997], что возникает явное противоречие двух значений понятия «индивид» — биологического и социального.

Сложность имеется и в соотношении понятий «индивид», «индивидуальность», «личность». Когда сущность последней связывается преимущественно с социальными детерминантами, то индивидный уровень исключается из ее определения и одновременно из него исчезает особенное, индивидуальное, тем более индивидуальность. Если же индивидуальный уровень включен в определение личности, то требуются уточнение и разведение понятия «индивидуальные различия», которое относится преимущественно к сфере дифференциальной психофизиологии, и понятия «индивидуальность» как определения качества личности, относящегося к области психологии личности.

Восьмидесятые годы становятся периодом ренессанса концепции субъекта, которая была разработана Рубинштейном и Узнадзе еще в двадцатые годы, позднее конкретизирована Ананьевым, а начиная с семидесятых, с момента выхода в свет книги Рубинштейна «Человек и мир» (1973), стала широко распространяться и была конкретизирована и развита его учениками — Абульхановой-Славской и Брушлинским. Она стала основным научным направлением исследовательской работы Института психологии РАН по крайней мере на два десятилетия [Брушлинский, 1994]. Если в предшествующие периоды развития отечественной психологии сущность подхода к личности проявлялась либо в утверждении идеала гармонически развитой личности и стремлении ее сформировать [Веденов, 1956; Вопросы..., 1965; Давыдов, 1986; Костюк, 1948; Макаренко, 1956–58; Психологические основы... 1981 и др], либо — более глубоко и содержательно — в понимании ее развития как человеческого духовно-нравственного становления (Анцыферова, Чудновский и др.), в признании ее индивидуальности, то в 70-е — 90-е годы — она сосредоточилась вокруг категории субъекта, превратившейся в целую проблемную область. Для возглавляемого Брушлинским направления исследований центральной стала не констатация у личности неких ценностей, мировоззрения, включающего морально-этические принципы, а, с одной стороны, более классическая, с другой — весьма актуальная задача выявления того, как личность решает моральные проблемы и задачи.

В 80-е — 90-е годы отечественные ученые все больше обращаются к проблеме субъекта и ее психологическим аспектам. Само введение этого понятия в психологию свидетельствует о гуманизации психологического знания, увеличивает удельный вес личностной проблематики, позволяет обратиться к высшим личностным модальностям — ее активности, развитию, сознанию. Но появление нового понятия

потребовало его соотнесения с понятиями «личность», «индивид», «индивидуальность». Такое соотнесение остается еще не до конца решенной задачей психологической науки. Именно потому, что психология ориентирована на эту общую категорию, она получает возможность одновременно с дифференциацией разных субъектов — субъект общения, субъект деятельности, личность как субъект жизненного пути, группа как субъект и т. д. — осуществить интеграцию, обобщение знаний на единой основе. Многое для раскрытия понятия субъекта и его соотношения с понятиями «индивид», «личность», «индивидуальность» дало изучение личности, ее развития в жизненном пути (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, Т. Б. Карцева и др.).

Основным для понимания личности как субъекта оказывается парадоксальный переворот в самой постановке проблемы личности. Она не есть «корзина», набор потребностей, ценностей, способностей, характера, воли, темперамента, который так или иначе пытались, каждый на свой лад, структурировать психологи, а она есть субъект в той мере, в какой использует свой интеллект, свои способности, подчиняет свои низшие потребности высшим, строит свою жизнь в соответствии со своими ценностями и принципами.

В работах Л. И. Анцыферовой получил свою конкретизацию функциональный подход к личности, представление о личности как иерархически организованной системе, развивающейся и функционирующей в жизненном пути [Анцыферова, 1978; 1981; 1990]. К. А. Абульхановой-Славской разработана концепция личности как субъекта жизненного пути и структура последнего, включающая позицию, жизненную линию и перспективу (дифференциация перспектив на когнитивные, мотивационные и др.) и жизненные задачи. Жизненный путь представляет собой совершенно особое «измерение», особый «масштаб» рассмотрения личности — ценностное человеческое время и пространство.

К. А. Абульхановой-Славской введено понятие личностной организации времени, осуществлено многолетнее эмпирическое исследование реально существующих типов личностной организации времени. Была выдвинута гипотеза: структура личностного времени состоит из осознания, переживания и практической регуляции времени, которые находятся в разном функциональном соотношении у разных типов, что определяет особенности организации всего жизненного пути (активно-продолгованный, пассивно-продолгованный, активно-ситуативный и пассивно-ситуативный типы) [Ковалев, 1979]. Эмпирически выявлены особенности типов — их возможности и ограничения в тех или иных временных режимах профессиональной деятельности, в условиях дефицита времени прежде всего [Абульханова-Славская, 1990]. В центре внимания К. А. Абульхановой-Славской — способность личности решать жизненные противоречия, проблемы, т. е. не только зависеть от жизни, но и определять ее. Эта способность высшего порядка принадлежит личности как субъекту жизни и является качеством, которое вырабатывается в процессе жизни, способом жизни [Абульханова, 1973; 1977]. Эта жизненная способность осуществляется высшими механизмами — сознанием, активностью и способностью к организации времени жизни. В контексте данного подхода открывается возможность связать сознание не только с формами отражения и общественным

бытием, но и с жизненным путем личности, с ее активным отношением к жизни. Сознание, таким образом, может быть понято как релевантное всей жизни функциональное образование, регулирующее не только отдельные движения и действия, но всю стратегию жизни человека. [Абульханова-Славская, 1989; 1991; 1994].

В психологии сложилось два в известном смысле противоположных представления об иерархических закономерностях психических систем (прежде всего личности). В соответствии с одним, закономерности высшего уровня преобразуются и конкретно проявляются на низшем. В соответствии со вторым, высшее «снимает» низшее — в том смысле, что, например, свойства темперамента могут преобразовываться и изменяться на уровне характера. Абульханова-Славская поддерживает идею возможности «снятия» высшими уровнями личностной организации особенностей и закономерностей низших, их коренного преобразования. Однако она полагает, что такое «снятие» является не универсальным законом, а проявлением основных особенностей личности, зависит от способа саморегуляции, самоорганизации личности, благодаря которому одерживают верх ее высшие или низшие уровни. Этот способ регуляции составил основу типологии, охватывающей личность в ее соотношении с действительностью. Предложенная Абульхановой-Славской типология охватывает не соотношение «личность — организм», и не соотношение «личность — деятельность», но соотношение «личность — жизненный путь» [Абульханова-Славская, 1989; 1991; 1994]. В качестве основания для определения личности приняты характеристики активности и саморегуляции.

Саморегуляция как операциональный механизм реализации притязаний является гибким механизмом, который воплощает в себе не фиксированную, а экзистенциальную (в терминологии Рубинштейна) или процессуальную (в понимании Брушлинского) сущность личности. Притязания — идеальная проекция личности, которая экзистенциально реализуется саморегуляцией, а последняя в таком понимании (в отличие от понимания дифференциальной психологии и психофизиологии) охватывает не только «внутренний контур» личности (даже если иметь в виду разные уровни ее организации), а контур, сочетающий внешнее и внутреннее. Саморегуляция является той вертикалью в личностной организации и самоорганизации, которая определенным образом соподчиняет и соотносит все уровни личностной организации. Такое понимание «задач» и функций саморегуляции преодолевает альтернативу, выявленную Х. Хекхаузенем, когда одни личностные концепции рассматривают детерминацию личности, а другие — ее ситуативную обусловленность [Хекхаузен, 1986]. Этой альтернативой статика приписывается самой личности, а динамика — внешним условиям, ситуациям (что является типичным для западной психологии, как уже отмечалось).

Построенная Абульхановой-Славской на этих исходных теоретических основаниях типология имела прогрессивный, открытый характер, поскольку представляла собой скорее эмпирическую методологию или стратегию исследования высших личностных способностей, в частности активности, дифференцированной на две основные формы — инициативу и ответственность. Она строилась не на структурных, а на функциональных принципах, и поэтому типобразующие параметры были не априорно заданы, а представляли искомое, которое обнаруживалось в эмпирическом исследовании, моделирующем ситуации по типу естественного эксперимента

[Абульханова-Славская, 1988; 1991]. Были получены типологии инициативы, ответственности, семантического интеграла активности личности, личностной способности к организации времени, социального мышления личности и ряда других, сопоставление которых давало возможность отработки типологического метода или стратегии [Абульханова-Славская, 1988; 1991; Белицкая, 1990; Григорьев, 1991; Дементий, 1990 и др.].

Л. И. Анцыферовой развивается динамическая концепция личности, в которой ставятся проблемы выхода личности за свои пределы, рассматривается диахроника ее развертывания в жизни и деятельности, условия достижения ею оптимального жизненно-деятельностного состояния, поиска новых мотивов, условия совпадения с характером деятельности [Анцыферова, 1981]. В начале следующего десятилетия, опираясь на результаты проведенных под ее руководством исследований, она рассматривает уже не столько развитие личности как проявление общих закономерностей развития, не только развитие личности как динамику жизни и ее периодов, а развитие как высшую форму ее динамики, как ее качественное преобразование. Оно связано с повышением уровня организации, с возрастанием способности осуществлять себя в более сложной системе жизненных отношений и воспринимать мир по-новому: более структурированным, более интегрированным и содержательным. Ею выделяется специальная способность личности к развитию — способность удерживать и сохранять все позитивное содержание своей истории, аккумулировать результаты развития, актуализировать потенциальное содержание своего сознания и создавать нечто новое в мире и в самой себе, расширяя тем самым зону потенциального. Л. И. Анцыферова обобщает результаты исследований «субъективной картины жизни» как отражения в сознании человека прошлого, настоящего и будущего, субъективного переживания тех или иных периодов жизни человека, их насыщенности событиями.

Л. И. Анцыферова обсуждает не только абстрактно-теоретические проблемы жизненного пути, но и актуальные сегодня проблемы трудных жизненных ситуаций, которые составили характерную для второй половины двадцатого столетия психологическую проблему «совладания» личности с этими ситуациями, выявления конструктивных, неконструктивных и порождающих стратегий такого совладания. Она дает глубокую классификацию таких стратегий совладания, связанную с психологическими особенностями сознания и поведения личности, обобщая опыт мировой психологии в разработке данной теоретико-практической проблемы. Типологический подход к личности позволяет ей сформулировать положение о неоднозначном влиянии на личность трудных жизненных ситуаций, что в конечном итоге выступает как новое звучание тезиса о личности как совокупности внутренних условий, о личностном опосредствовании процесса взаимодействия человека с миром.

Можно отметить, что в 80-е — 90-е годы произошла наметившаяся ранее дифференциация ряда направлений изучения личности (Психологическая... 1997):

1-е направление — исследование личности в деятельности (или иногда, говоря точнее, исследование деятельностных модальностей личности: целевых, установочных, диспозиционных, потребностно-мотивационных и, конечно, способностей);

2-е направление — исследование личности в общении, причем последнее также дифференцируется на реальную коммуникацию и особенности включения в нее личности и идеальный, «интериндивидуальный» и даже «метаиндивидуальный» пласт личностных проекций [Дорфман, 1993; 1994; Петровский, 1996 и др.].

Внутри первого направления, в свою очередь, исследования личности и личностных особенностей познавательной деятельности постепенно дифференцируются от исследований личности в деятельности. Под последней имеют в виду профессиональную, трудовую, т. е. практическую деятельность [Маркова, 1996].

В.Д. Шадриковым был сделан новый шаг в понимании психологической системы деятельности. Он реализует функциональный подход к деятельности, опираясь на идеи Анохина и Рубинштейна, и на этой основе раскрывает всю сложность деятельности как функциональной системы, связывая способ ее осуществления с субъектом и выделяя не только традиционные мотив и цель, но и личностные характеристики, выражающиеся в уровне притязаний и характере достижений, критериях субъективной приемлемости — неприемлемости результата. Шадриков акцентирует и сам принцип выдвижения субъектом критериев принятия решений, составления программ деятельности и их изменения в зависимости от тех или иных условий психологических стратегий. Он рассматривает процесс становления личности субъектом деятельности как процесс качественного преобразования, реорганизации включенных в нее и обеспечивающих ее психических и личностных свойств в соответствии с требованиями деятельности и критериями самой личности. В высшей степени существенно, что при характеристике требований деятельности автор не ограничивается их частно-эмпирическим описанием, а выдвигает новую формулу нормативных способов социальной деятельности, отвечающих характеристике деятельности как труда, параметрами которой являются производительность, качество и надежность. В данной монографии раскрыта «сущность процесса перехода от психических свойств к ПВК» [Шадриков, 1994, с. 78], механизм перестройки личностных способностей, их развития, координации и нового соподчинения в связи с требованиями деятельности и становлением личности в качестве субъекта. Процесс реорганизации способностей, их превращения в ПВК прослежен на разных уровнях: как на уровне самих способностей (микроуровень), так и на уровне личности (макроуровень), а последний описан в категориях выбора профессии, обучения, научения и включения в профессию. Таким образом, концепция системогенеза деятельности, выдвинутая Шадриковым ранее, получает здесь не только принципиально новое развитие, но является отражением нового уровня постановки проблемы соотношения личности, ее способностей, психических процессов и деятельности.

Личностные характеристики в самом высоком смысле слова (а не только мотивацию, способности и т. д.) выдвигают в качестве решающих психологи профессиональной деятельности, в частности таких наиболее сложных и рискованных ее видов, как летная. В.А. Пономаренко, воссоздавший в деталях специфику профессионального труда летчика, начиная от вхождения в профессию и кончая проблемами профессионального долголетия, отстаивает (в том числе и прежде всего в практическом отношении) необходимость учета прав личности человека, доказывает роль

личности как гаранта надежности, раскрывает совершенно особый духовно-нравственный тип личности летчика.

Традиции комплексного подхода к проблеме человека, к проблеме биологического и социального в человеке, присущие ленинградской-петербургской школе, получают развитие в концепции В. Н. Панферова, ставящего перед собой задачу создания целостного представления о психологии человека, в котором были бы синтезированы психологические знания о человеке из различных отраслей психологии и других наук. Для этого оказывается необходимым соотнести философские представления о человеке и аналитические знания о нем, содержащиеся в частных науках.

Основополагающим оказывается выделение двух подходов к человеку в научном познании: объектного, в рамках которого человек рассматривается как объект, независимо от свойств его души, и подхода психологического, субъектного. «Вопрос “Кто такой человек?” адресован к душе, к психике человека, к тому, что делает его субъектом. Вопрос “Что такое человек?” направлен к телесной, соматической организации человека, к тому, что характеризует его как объект природы» [Панферов, 2002, с. 20].

Таким образом, человек рассматривается в рамках объектных и субъектных свойств, которые между собой находятся в сложных взаимосвязях. Это предопределяет три ракурса рассмотрения проблемы человека:

- в плане материальных (физических и биологических) свойств;
- как духовное существо, наделенное особой психической организацией;
- с точки зрения взаимосвязи материальных и идеальных свойств человека.

Последнее находится в центре внимания В. Н. Панферова и представляет собой его версию решения биосоциальной проблемы. Психические свойства человека рассматриваются как результат трансформации природного потенциала человеческого организма в процессах субъектного взаимодействия с миром вещей и людей. Через анализ свойств человека, соматических и психических, и их объединение в целостную структуру, автор приходит к формулированию своего представления о психической организации человека через выделение функций психики. Выделяются функции имплицитные, внутренние (гностические, аффективные, регуляторные), и эксплицитные, внешние (коммуникативные, информационные, когнитивные, эмотивные, конативные, креативные).

Процессы психической деятельности человека являются механизмами трансформации психических свойств, в результате которой происходит интериоризация психических образований во внутреннюю структуру психической организации человека. В то же время процессы субъектной активности человека трансформируют его внутренний психический потенциал в особенности предметных действий, поступков, поведения, которые экстериоризируются как психические свойства личности.

В. Н. Панферов предлагает две взаимосвязанные теоретические модели структурной организации психики: в процессе интериоризации и в процессе экстериоризации.

Модель структурной организации психики в процессе **интериоризации** содержит пять блоков психических образований, взаимодействующих между собой в структуре целого.

1. *Психофизиологические образования.* К направлению взаимодействия человека с самим собой (интериоризации) отнесены следующие психофизиологические образования: потребности, эмоции, темперамент, чувства, настроение, воля, внимание. Психофизиологические образования, синтезируясь, порождают эффекты самочувствия как результат психического отражения человеком органического баланса со средой.
2. *Психофизические образования* (ощущения, восприятие, память, представления, мышление, воображение, картина мира) являются результатом интериоризации познавательной деятельности человека как процессов конкретно-чувственного, конкретно-логического, абстрактно-логического отражения материальных свойств объектов окружающего мира, которые представляют субъективный интерес для удовлетворения потребностей человека.
3. *Психорефлективные образования* (сознание и самосознание, дух и душа, Бог и совесть, вера, надежда, любовь) отнесены к сверхинтегративным явлениям человеческой психики, так как в них трансформируются и психофизиологические, и психофизические образования.
4. *Социально-психологические образования* (психические, психологические, социальные установки, стереотипы поведения, отношения к людям, к себе, к деятельности, к предметной и природной среде, речь) возникают на векторе взаимодействия людей.
5. *Деятельностно-психологические образования* (общие и специальные способности, опыт, интересы, знания, умения, навыки, мастерство, талант, гениальность, стиль деятельности) возникают в процессе предметно-практического взаимодействия с миром вещей и людей.

Модель структурной организации психики в процессе *экстериоризации* содержит пять блоков психических образований, взаимодействующих между собой в структуре целого.

1. «Я — *хочу*» (потребности, влечения, склонности, желания, интересы, намерения, ценностные ориентации, мотивы, мечты).
2. «Я — *могу*» (задатки, сензитивность, работоспособность, опыт, знания, умения, навыки, способности, темперамент, характер, социальное происхождение).
3. «Я — *интимное*» (самосознание, мировоззрение, установки, ожидания, вера, надежда, любовь, чувства, суеверие, личные проблемы, достоинство).
4. «Я — *должен*» (сознание, воля, внимание, эмоции, убеждения, цели, совесть, мораль, закон, общественное мнение).
5. «Я — *реальное*» (телесные движения, предметные действия, поступки, поведение, деятельность, внешний облик, речь, межличностные отношения, социальное положение).

Социально-психологическое направление в отечественной психологии личности

Существенной тенденцией в развитии психологии в России в последние десятилетия XX столетия является усиленное развитие гуманитарных направлений, в первую очередь социальной психологии, и широкая экспансия социальной психологии в предметную область психологии личности, которая в советский период преимущественно

исследовалась с позиций общепсихологической методологии естественнонаучного толка (об этом подробнее в следующем параграфе). Проблема личности закономерно привлекает внимание социальных психологов. Б.Д. Парыгин называет личность среди «острейших и требующих безотлагательного решения социально-психологических проблем» [Парыгин, 1999, с. 153]. Современность, по его мнению, настоятельно требует исследования путей и возможностей «соотнесения всех психических сил и возможностей личности, ее духовно-нравственного и социально-психологического потенциала с ее же психологической готовностью дать адекватный ответ на вызов своего времени» [Парыгин, 1999, с. 153].

В качестве примеров социально психологических теорий личности, появившихся в этот период, можно привести концепцию диспозиций личности В.А. Ядова, концепцию динамической структуры личности Б.Д. Парыгина и концепцию полиментальности России В.Е. Семенова.

Концепция динамической структуры личности Б.Д. Парыгина

В основу концепции Б.Д. Парыгина положено представление о личности как о сложном, многоплановом и внутренне противоречивом явлении. Б.Д. Парыгин предлагает оригинальный выход в поисках решения традиционной для психологии личности проблемы — описать и объяснить то, что, с одной стороны, обладает определенной устойчивостью и внеситуативным постоянством, а с другой — изменчиво и текуче, в зависимости от ситуации. В его концепции представлена не структура личности вообще, а различные подходы к ее построению и соответственно две качественно различные модели структуры личности: статическая и динамическая.

Статическая структура личности. Под статической структурой личности Б.Д. Парыгин понимает предельно отвлеченную от реально функционирующей личности абстрактную модель, характеризующую основные аспекты, пласты или компоненты психики индивида.

При наиболее обобщенном подходе статическая структура личности рассматривается им как состоящая из трех основных пластов: 1) общечеловеческого, 2) социально-специфического, 3) индивидуально-неповторимого.

Каждый из трех названных пластов может быть далее дифференцирован, расчленен на составляющие. Однако независимо от степени дифференцированности, основным признаком статической структуры остается ее отвлеченность от реального процесса функционирования, психического состояния и поведения.

Общечеловеческими, в соответствии с данной моделью, в психике человека являются: во-первых, комплекс основных психических процессов (ощущение, восприятие, память, мышление, воля) и состояний, подчиняющихся общим для всех людей закономерностям психофизиологических механизмов, обеспечивающих функционирование психики; во-вторых, факт биосоциальной детерминированности психического мира и поведения человека, результатом и проявлением чего являются такие устойчивые черты и свойства личности, как ее темперамент и характер; в-третьих, факт социальности психики человека в отличие от психики животного.

К социально-специфическим относятся те особенности психики, которые связаны с принадлежностью человека к той или иной социальной общности. За принадлежностью личности к той или иной общности стоит предписанная извне

программа поведения, система требований, правил, шаблонов поведения. Все элементы социально-специфического опыта личности выполняют функции регламентации, регулирования, санкционирования, направляют поведение индивида. К ним относят роли, нормы, ценности и символы.

Степень интернализации индивидом социального опыта может быть различной. Процесс усвоения социального опыта Парыгин разделяет на четыре стадии. На первой индивид получает исходную информацию о требованиях социума, знание. На следующей стадии обретается социально-психологический стереотип восприятия, положительное или отрицательное отношение к социальным нормам и ценностям. На третьей стадии данные стереотипы закрепляются, переходят от симпатии к глубокому убеждению. Завершающей, высшей ступенью в процессе усвоения индивидом социального опыта становится переход от убеждения к побуждению, обозначающему волевое усилие, необходимое для того, чтобы готовность к действию переросла в само действие.

Парыгин выделяет два интегральных образования личности, характеризующих ее отношение к социально-специфическому опыту: позицию личности и ее самосознание.

Динамическая структура личности. Модель динамической структуры личности фиксирует основные компоненты в психике индивида в непосредственном контексте человеческой деятельности, ситуации. Это модель психического состояния и поведения человека, которая позволяет понять механизмы взаимосвязи всех структурных пластов в психике индивида. Важной особенностью динамической структуры личности в отличие от статической является ее приуроченность к какому-то конкретному отрезку времени, в течение которого можно говорить об определенном состоянии психики или деятельности человека. В соответствии с этим нужно различать два основных аспекта динамической структуры личности: внутренний (структура психического состояния) и внешний (структура поведения). И внешний, и внутренний аспекты могут носить характер как вербальный (осознанный), так и невербальный (неосознанный). В контексте динамической модели личности Б. Д. Парыгин вводит понятие психического настроя личности [Парыгин, 1971]. Под последним подразумевается интегральное структурное образование, которое характеризует тональность и степень предметной направленности психического состояния человека на данном отрезке времени.

Значимость психического настроя личности определяется многообразием его функций: 1) в качестве аккумулятора всей текущей информации, воспринимаемой и перерабатываемой индивидом в единицу времени; 2) в качестве регулятора и тонизатора активности человека; 3) в качестве установки восприятия информации и деятельности; 4) в качестве фактора ценностной ориентации личности. Психический настрой может рассматриваться в качестве эквивалента той части модели динамической структуры личности, которая связана с психическим состоянием человека. Психический настрой личности представлен, с одной стороны, неосознанным эмоциональным фоном, что соответствует невербальному психическому состоянию, с другой — умонастроением, что соответствует вербальному психическому состоянию.

Важное место в концепции Парыгина отводится понятию **духовного потенциала личности**, которое самым органичным образом связано с представлением о динамической структуре личности, понимаемой как ее сиюминутный статус. Под потенциалом личности понимают определенный уровень ее психических возможностей и внутренней энергии, направленной на самовыражение и самоутверждение. Психические возможности личности складываются из ее интеллектуального, эмоционального и волевого потенциалов.

В концепции Парыгина нам представляется реализованным присущее отечественной психологической школе понимание проблемы социального в контексте взаимодействия социального и природного в человеческой психике, если можно так выразится, интрапсихологический подход в социальной психологии, в отличие от понимания социального как противоположности индивидууму, индивидуальному, присущего западноевропейской и североамериканской традиции, где в центре внимания социальной психологии находится взаимодействие индивида и группы, т.е. реализуется интер-психологический подход в социальной психологии.

Концепция диспозиций личности В. А. Ядова

В основу концепции автором положены установочные или диспозиционные механизмы регуляции социального поведения личности. Это означает, что поведение личности регулируется ее *диспозиционной системой*, однако в каждой конкретной ситуации в зависимости от ее цели ведущая роль принадлежит определенному уровню диспозиций. Поскольку сама диспозиция (установка) формируется при наличии потребности и соответствующей ей ситуации, в которой она может быть реализована, то иерархии диспозиций соответствуют иерархия потребностей, с одной стороны, и иерархия ситуаций, с другой.

Что касается *иерархии потребностей*, то их классификация осуществляется В. А. Ядовым по принципу предметной направленности человеческих потребностей как потребностей физического и социального существования. Основанием классификации, по словам автора, с одной стороны, выступает разделение потребностей на биогенные и социогенные, а с другой — выделение различных видов социогенных потребностей на основе включения личности во все более расширяющиеся сферы деятельности, общения. На этом основании выделяются следующие виды потребностей:

- психофизиологические, витальные потребности;
- потребности в ближайшем семейном окружении;
- потребности включения в многочисленные малые группы и коллективы;
- потребности включения в целостную социальную систему.

Условия деятельности или ситуации, в которых могут быть реализованы данные потребности также образуют иерархическую структуру. За основание классификации автор принимает «длительность времени, в течение которого сохраняется основное качество данных условий», иными словами, устойчивость ситуации.

Низший уровень этой структуры составляют наименее устойчивые *«предметные ситуации»*. В течение короткого промежутка времени человек переходит из одной ситуации в другую.

Следующий уровень — это «*условия группового общения*». Эти ситуации более устойчивы, поскольку основные требования группы, закрепленные в «групповой морали», сохраняются неизменными в течение значительного времени.

Еще более устойчивы во времени *условия деятельности в той или иной социальной сфере* — труда, досуга, семейной жизни.

Максимально устойчивыми оказываются *общие социальные условия жизнедеятельности человека* — экономические, политические, культурные. Эти условия претерпевают значительные изменения в рамках «исторического» времени.

Поскольку, как отмечалось выше, диспозиции личности представляют собой продукт «столкновения» потребностей и ситуаций, в которых потребности удовлетворяются, формируется соответствующая иерархия (система) диспозиций.

Первый, низший уровень образуют *элементарные фиксированные установки*. Они формируются на основе потребностей физического существования и простейших предметных ситуаций. Эти установки лишены модальности и не осознаваемы. Они лишь лежат в основе сознательных процессов.

Второй уровень диспозиционной системы — *социально фиксированные или социальные установки*. Ведущими факторами их формирования являются социальные потребности, связанные с включением личности в первичные группы и соответствующие им социальные ситуации. Социальные установки образуются на базе оценки отдельных социальных объектов (или их свойств) и отдельных социальных ситуаций. По сути это «отношения личности» по В. Н. Мясищеву.

Третий уровень системы составляет *общая (доминирующая) направленность интересов личности*. Она формируется на основе более высоких социальных потребностей и представляет собой предрасположенность к идентификации с той или иной областью социальной деятельности. У одних людей мы обнаруживаем доминирующую направленность интересов в сферу профессиональной деятельности, у других — семья, у третьих — досуга (хобби) и т. д.

Высший уровень диспозиционной системы *образует система ценностных ориентаций* на цели жизнедеятельности и средства их достижений. Она формируется на основе высших социальных потребностей личности (потребность включения в социальную среду) и в соответствии с образом жизни, в котором могут быть реализованы социальные и индивидуальные ценности личности. Именно этому уровню принадлежит решающая роль в саморегуляции поведения.

Элементы и уровни диспозиционной системы не изолированы друг от друга. Напротив, они тесно взаимодействуют между собой, а сам механизм взаимосвязи, по мнению В. А. Ядова, следует рассматривать как «механизм мотивации, обеспечивающий целесообразное управление поведением личности, его саморегуляцию».

Важнейшая функция диспозиционной системы состоит в регуляции социального поведения личности. Само поведение представляет собой сложную структуру, внутри которой можно выделить несколько иерархически расположенных уровней.

Первый уровень — это *поведенческие акты*, реакции субъекта на актуальную предметную ситуацию. Их целесообразность детерминирована необходимостью установления адаптивных отношений между средой и индивидом.

Следующий уровень поведения — *привычное действие или поступок* — формируется из целого ряда поведенческих актов. Поступок — это элементарная социально

значимая единица поведения, цель которого в установлении соответствия между социальной ситуацией и социальной потребностью.

Целенаправленная последовательность поступков *образует поведение в той или иной сфере деятельности*, которая представляется для человека максимально значимой. К примеру, ярко выраженное профессиональное поведение, реализующее себя в стиле профессиональной деятельности.

Наконец, *целостность поведения в различных сферах жизнедеятельности человека* и есть собственно проявление деятельности во всем ее объеме. Целеполагание на этом уровне представляет собой некий «жизненный план».

Завершая характеристику своей концепции личности, В. А. Ядов подчеркивает, что диспозиционная регуляция социального поведения есть в то же время и диспозиционная мотивация, т. е. механизм, обеспечивающий целесообразность формирования различных состояний готовности к поведению. При этом регуляция социального поведения должна быть истолкована в контексте всей диспозиционной системы личности.

Концепция полиментальности России В. Е. Семенова

В центре внимания В. Е. Семенова — цивилизационно-культурная специфика личности в том или ином обществе, игнорирование которой в теоретическом отношении не позволяет правильно понять личность в ее конкретно-историческом существе, а в практическом — «чревато социальными, конфессиональными и национальными конфликтами» [Семенов, 2001, с. 22]. Ключевым понятием в концепции В. Е. Семенова является понятие менталитета.

Под менталитетом В. Е. Семенов понимает «исторически сложившееся долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном (познавательном), эмоциональном и поведенческом воплощении, присущее представителям той или иной социальной группы (общности)» [Семенов, 2001, с. 20]. В соответствии с концепцией В. Е. Семенова, неверно говорить о национальном, этническом менталитете как о едином образовании, т. к. каждому народу, а тем более такому народу, как русский, присущ не один менталитет, а некоторое множество менталитетов, характеризующих отдельные группы населения, при том, что нормы, ценности и установки данных групп могут существенно различаться.

Семенов говорит не о едином менталитете современного русского народа, а о некотором множестве «основных российских менталитетов нашего времени». Для определения этих менталитетов Семенов пользуется системой философских универсальных категорий-оппозиций:

- дух (Бог) — материя (идол),
- общество (коллектив) — личность (индивидуальность).

Исходя из данных философских, культурно-исторических и социопсихологических предпосылок и подкрепляя их результатами эмпирических исследований, В. Е. Семенов выделяет следующие базовые российские менталитеты:

- Православно-русский. Этот менталитет имеет тысячелетнюю историю на Руси и в России, активно возрождается с конца 80-х годов. Опирается на ценности Бога, Духа, заповедей Христовых, святости, совести, соборности.

- Коллективистско-социалистический. Этот менталитет зародился в крестьянской общине, рабочей артели, партийной ячейке, сформировался за три четверти века в СССР. Он выражает ценности коллективизма, вождизма, конформности, социальной справедливости, труда на благо общества.
- Индивидуалистско-капиталистический. Возник на Западе, постепенно проник в Россию, где сформировался в XIX веке и возрождается в наше время (как отмечает В. Е. Семенов, скорее в одиозном виде). Этот менталитет выражает ценности индивидуализма, упрощенного рационализма, личного успеха, прагматизма, денег.
- Криминально-мафиозный. Исповедует вульгарный материализм и гедонизм, культ грубой силы и обмана, клановую иерархию, мифологию, ритуалистику.

Названные менталитеты В. Е. Семенов рассматривает как основные для нашего общества, помимо которых существует еще ряд менталитетов: менталитеты других конфессий (прежде всего исламский), переходные, промежуточные настроения на основе базовых менталитетов и др.

Обращаясь к традиционно значимым для российской идеологии спорам между славянофилами и западниками и между идеалистами и материалистами, В. Е. Семенов анализирует духовные и идеологические приоритеты современных россиян, в частности, петербуржцев, которые считаются в наибольшей степени «европейцами» в нашей стране [Семенов, 2001]. В серии репрезентативных социопсихологических исследований 1999–2000 гг. в Петербурге сотрудники НИИКСИ под его руководством получили ряд данных.

Петербуржцам, в частности, предлагалось выразить свое мнение о том, какой бы они хотели видеть свою страну в будущем — самобытной или похожей на какую-либо высокоразвитую страну. Ответы распределились следующим образом: самобытной Россию хотят видеть 75% петербуржцев, похожей на Германию — 5%, похожей на Францию или США — по 2%, на Японию — 1,7%. Образ будущей России в целом явно не является прозападным. Характерен и тот факт, что в качестве стран, являющихся настоящими друзьями России, петербуржцы прежде всего называют Белоруссию (51% опрошенных), Украину (17%), Китай (13%), Индию (11%), Югославию (9%). Среди западных стран более-менее часто петербуржцы называли только Финляндию — страну-соседа (8%).

1.3. Развитие отечественной психологии в XXI столетии

С начала века отчетливо проявляются новые тенденции в развитии нашей науки. Наступило время осмыслить происходящее, пришло осознание необходимости методологической рефлексии современной российской психологической науки. В российском профессиональном сообществе обозначился интерес к методологии, в центральных журналах проходят острые методологические дискуссии, вышел из печати ряд крупных работ методологического и теоретического содержания, среди которых монография А. Л. Журавлева «Психология управленческого взаимодействия» (2004), монография В. А. Кольцовой «Методологические основы истории психологии» (2004 г.), монография А. В. Юревича «Психология и методология» (2005 г.), монография А. Л. Журавлева и А. Б. Купрейченко «Экономическое

самоопределение: теория и эмпирические исследования» (2005), коллективная работа под редакцией А. Л. Журавлева и Н. В. Тарабриной «Психология: современные направления междисциплинарных исследований» (2003 г.), коллективная работа под ред. В. А. Барабанщикова «Идея системности в современной психологии» (2005 г.), коллективная работа под ред. В. В. Знакова и З. И. Рябикиной «Субъект, личность и психология человеческого бытия» (2005 г.) и др.

В 2006 г. начался выпуск специального журнала «Методология и история психологии». В Ярославле ежегодно проводится методологический семинар, который вызывает большой интерес психологического сообщества.

Поворот российского профессионального сообщества к методологии после периода, охватившего конец 80-х и 90-е гг., когда мало кто обращался к методологическим исследованиям, является важным свидетельством прогрессивного развития нашей науки и отвечает насущным потребностям сегодняшнего дня, т. к. «методологический анализ создает те опорные точки, без которых *систематическое и целенаправленное* движение психологического знания невозможно» [Кольцова, 2007, с. 5].

Директор ИП РАН А. Л. Журавлев в своем докладе на юбилейной научной конференции, посвященной 35-летию Института психологии РАН и 80-летию со дня рождения Б. Ф. Ломова, 31 января 2007 г. обращается к важнейшему теоретическому вопросу о так называемом парадигмальном «сдвиге» в современной психологии [Журавлев, 2007]. В научной литературе 90-х годов XX века парадигмальные изменения обозначались не только как «сдвиг», но и как «ломка», «взрыв», «революция» и, конечно, парадигмальная «перестройка», «трансформация» и т. п. Сегодня произошедшие перемены видятся иначе. По мнению А. Л. Журавлева, парадигмальные изменения состоялись и продолжают не столько в форме «сдвига» или тем более «революции», сколько в виде *развития системы научных представлений* в психологии.

В качестве тенденций, которые характеризуют парадигмальное развитие психологии в начале XX века, А. Л. Журавлев выделяет следующие.

Во-первых, продолжающееся движение психологии к объединяющей, синтезирующей, или интегративной методологии, разработка, развитие и использование которой имеет место в самых разных конкретных формах. Прежде всего это относится к комплексному, системному, синергетическому и другим подходам в психологической науке как способам организации исследований, интерпретации получаемых данных и в целом как способам познания окружающего природного и социального мира и себя в этом мире. Исторически сложилось так, что в исследованиях ИП РАН особая роль принадлежала и по-прежнему принадлежит именно системному подходу как некоторому метаподходу, получившему свое обоснование в теоретических работах Б. Ф. Ломова. Различным же формам его развития и конкретизации всегда придавалось первостепенное значение.

В этой связи необходимо выделить три наиболее значимых *направления развития системной парадигмы* в ИП РАН:

1. реализация и развитие *принципа полисистемности* применительно к изучению психических свойств человека (это исследования Д. Н. Завалишиной, выполненные на материале решения практических задач);

2. обоснование и использование в психологических исследованиях понятия «системный комплекс», в частности при изучении межсистемных взаимодействий в сложнейших человеко-машинных комплексах, а также формулирование *принципов межсистемного подхода* (методологические разработки Ю. Я. Голикова и А. Н. Костина);
3. методологический анализ современного состояния и перспектив *развития принципа системности* в психологии, обоснование требований к использованию *системного метода* исследования психических явлений, раскрытие его возможностей и ограничений (методологические работы В. А. Барабанщикова).

Перечисленные и многие другие направления исследований свидетельствуют о высокой конструктивности системной парадигмы в психологической науке в целом и в развитии отдельных ее отраслей, научных направлений, в решении конкретных проблем. В качестве примеров можно привести:

- системно-эволюционный подход в психофизиологических исследованиях лаборатории нейрофизиологических основ психики (Ю. И. Александров и др.);
- системный подход к исследованию психологии коллектива и коллективного субъекта в лаборатории социальной и экономической психологии (А. Л. Журавлев);
- системно-деятельностный подход в исследованиях психической саморегуляции функционального состояния человека в лаборатории психологии труда (Л. Г. Дикая);
- системно-субъектный подход в исследованиях лаборатории психологии развития (В. В. Знаков, Е. А. Сергиенко) и др.

Во-вторых, в исследованиях человека и социальных групп активно утверждается тенденция к пониманию их как индивидуальных и коллективных субъектов, способных к активной, самостоятельной и социально ответственной деятельности, произвольной регуляции и рефлексии своего поведения и т. п. Интенсивные исследования феноменов субъекта и субъектности в разных его формах и видах — это явно выраженная тенденция развития современных психологических исследований. Принципиальное положение, заслуживающее специального теоретического анализа, состоит в том, что интерес многих исследователей концентрируется на изучении известных и многообразных феноменов «самости» человека: его саморегуляции (Л. Г. Дикая) и самоутверждения (Н. Е. Харламенкова), самопрезентации (Ал. Н. Лебедев) и самоопределения (А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко) и т. д. Именно в феноменах «самости» наиболее ярко проявляются субъектные характеристики личности и группы, составляющие активное, действенное начало в человеке, во многом определяющие особенности его действий и поступков, отношений и общения, деятельности и поведения, других форм активности и в целом жизнедеятельности человека.

Субъектный (или субъектно-деятельностный) подход, ведущий свое начало из работ С. Л. Рубинштейна и развитый в 70-е — 80-е годы XX века в трудах К. А. Абульхановой, а в 90-е годы в разработках А. В. Брушлинского, интенсивно продолжает развиваться, конкретизироваться и уточняться в исследованиях сотрудников ИП РАН, прежде всего в современных теоретических работах

К. А. Абульхановой, Л. И. Анцыферовой, В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, Е. А. Сергиенко и др., причем в последние годы он продуктивно развивается во многих направлениях.

Одно из таких направлений, как уже было сказано выше, заключается в формировании *системно-субъектного подхода*, разрабатываемого в лаборатории психологии развития ИП РАН. С его позиций центром концептуальной схемы анализа психологии является человек как субъект деятельности, общения, отношения и переживания. На каждом этапе своего развития субъект выступает носителем системных психических явлений (процессов, состояний и свойств), раскрывающихся в его взаимодействии с миром. Субъектность постепенно становится системообразующим фактором формирования сложной многоуровневой психической организации человека. Критерии субъекта при этом являются уровневыми. Поэтому выделенные многими исследователями разные критерии субъекта не являются ни противоречивыми, ни тем более взаимоисключающими, а относятся к разным *уровням организации субъекта*. В результате конкретных исследований, выполненных Е. А. Сергиенко и под ее научным руководством, выделено несколько уровней в процессе непрерывного становления субъектности человека: от протоуровней в раннем онтогенезе до уровней агента, наивного субъекта, субъекта деятельности, субъекта жизни.

Другое направление развития субъектного подхода характерно прежде всего для социальной, экономической и организационной психологии, психологии труда и управления. Это исследования *группового (или коллективного) субъекта*, причем субъектные свойства выявляются на группах принципиально разного объема (численности): от диад и первичных трудовых коллективов (А. Л. Журавлев, В. П. Позняков, В. А. Хашенко и др.) до больших социальных групп студентов, наемных работников, безработных, ветеранов ВОВ и др. (Т. П. Емельянова, Н. А. Журавлева, В. А. Хашенко и др.).

Субъектно-деятельностный подход продуктивно развивается и в психологии труда применительно к исследованиям профессиональной пригодности, которая рассматривается как свойство субъекта деятельности наряду с работоспособностью, надежностью и др. (В. А. Бодров). В работах сотрудников лабораторий психологии труда, психологии способностей, инженерной психологии и эргономики анализируются особенности отражения психологических уровней субъектности в характеристиках профессиональной идентичности (Е. П. Ермолаева), разрабатываются современные представления о профессиональном развитии субъекта труда (Д. Н. Завалишина), психической регуляции операторской деятельности в особых условиях (А. А. Обознов) и многие другие проблемы.

В-третьих, в парадигмальном развитии психологической науки просматривается тенденция движения от исследования явлений, ставших более понятными и тем самым простыми, к разработке более непонятных, сложных феноменов, свойственных тому или иному историческому периоду. В настоящее время психологическая наука в полной мере подошла к пониманию необходимости изучать сложнейший комплекс нравственных и духовных (или духовно-нравственных) составляющих природы человека, его социальных групп и общества. Однако для

такой разработки в психологической науке пока отсутствует необходимая «инфраструктура»: четко сформулированный предмет, выделенные (или обозначенные) научные направления и проблемы, адекватные методы исследования, строгая система соотнесенных понятий и др., с помощью которых должна решаться фундаментальная теоретическая задача формирования научной парадигмы, ориентированной на анализ нравственных и духовных свойств, качеств, состояний сознания и поведения современного человека. Именно в этом состоит уже наметившееся, не столько по способам организации исследований и интерпретации данных, сколько по содержанию изучаемых явлений, парадигмальное развитие психологической науки, которое тесно связано с формированием новой отрасли — нравственной (или этической) и духовной психологии, постепенно становящейся одной из приоритетных в системе современных отраслей психологии. Важную роль в ее становлении играют работы В. Д. Шадрикова о духовных способностях и происхождении нравственности, В. А. Пономаренко — о духовных компонентах профессиональной деятельности летчиков, В. В. Рубцова — об институционализации «духовной психологии» как отрасли психологической науки, Л. М. Попова — о психологии добра и зла и др.

Необходимо подчеркнуть, что и у сотрудников ИП РАН значительно возрастает интерес к исследованию таких проблем, как: социальные представления о нравственном идеале современного человека (М. И. Воловикова); нравственно-психологическая регуляция социальной, в частности экономической активности, ценностно-смысловые образования самоопределяющегося субъекта (А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко); динамика ценностных ориентаций личности и группы в изменяющемся обществе (Н. А. Журавлева); роль нравственных (этических) регуляторов в деятельности человека в условиях высоких технологий (Ю. Я. Голиков, А. Н. Костин); нравственная оценка различных манипулятивных форм воздействия (В. В. Знаков, А. Н. Поддъяков); доверие и недоверие в межличностных и межгрупповых отношениях и взаимодействии (А. Б. Купрейченко, Т. А. Нестик); критерии (в том числе психологические) нравственного прогресса (Ал. Н. Лебедев) и т. д. Показательно и то, что в последние годы научное сотрудничество ИП РАН с другими психологическими учреждениями стало развиваться в том числе по проблемам формирования ценностей, включая нравственные, и жизненных смыслов современного человека. В настоящее время необходимо профессионально отразить и целенаправленно реализовывать данное направление развития психологических исследований в ИП РАН.

В-четвертых, важнейшей составляющей современного парадигмального развития психологических исследований становится формирование психосоциального подхода к изучению психологии человека и его общностей. Психосоциальный подход предполагает специальное изучение закономерных связей психических явлений и общественной жизни человека, то есть решение *психосоциальной проблемы*, дополняющей классические — психофизическую и психофизиологическую. Психосоциальный подход позволяет перейти от исследования психологии конструируемого исследователем (абстрактного или статистического) человека (экспериментального испытуемого, респондента и т. п.) к изучению психологии

конкретного человека в реальном историческом времени и исследовать его как: «носителя» этнических, социокультурных, региональных и других социальных характеристик; представителя конкретных социальных (экономических, профессиональных, управленческих, политических, образовательных и др.) групп; действующего в конкретных социальных условиях; обладающего субъектными свойствами, т. е. социально активного, самостоятельного, социально ответственного, способного к саморегуляции социального поведения и различным формам рефлексии и т. д. В этой связи в последние годы становятся чрезвычайно востребованными и эвристичными относительно новые для психологической науки *общие, интегральные феномены и понятия*, такие как «жизнь», «жизнедеятельность», «взаимодействие», «бытие» и другие, более точно отражающие сложнейшие формы активности как отдельного человека, так и социальных групп, по сравнению с более частными феноменами и понятиями, такими как «отношение», «общение», «деятельность», «поведение» и т. п.

Исследования психологии жизнедеятельности человека в динамично изменяющихся социальных условиях, выполненные в Институте психологии в последние примерно 15 лет, позволили принципиально изменить представления о закономерностях различных видов социального поведения (экономического, политического, организационного, нравственного и т. д.), о его психологических механизмах не только по формально-динамической «оси» — их «устойчивости-изменчивости» и др., но и по содержательным основаниям жизнедеятельности человека — жизненным принципам, смыслам и целям, ценностям и идеалам, социальным нормам и правилам и т. д.

Становление и конкретизация психосоциального подхода и его реализация в исследованиях психологии реального, естественного человека, по нашему мнению, неизбежно приведет к серьезным *изменениям в соотношении и развитии* используемых качественных и количественных методов, исследованию различных форм и видов активности человека в естественных и искусственных (специально организованных) условиях, соотношении идеографического и номотетического знания о психике человека, более интенсивному развитию целого ряда отраслей психологической науки. К ним можно отнести: кросскультурную, этническую и историческую, политическую и юридическую, экономическую и региональную, этическую (или нравственную) и духовную, организационную психологию и психологию управления, психолингвистику и психологию культуры, макропсихологию (психологию общества и новых интегративных образований) и некоторых других.

В-пятых, в настоящее время стали востребованными не столько те исследования, в которых стабильно проявляются устойчивые, типичные и т. п. психологические явления, сколько динамичные, нестабильные, неустойчивые феномены, причем как на уровне личности и группы, так и в межличностных, внутригрупповых и межгрупповых отношениях. «Фоновыми» здесь оказываются радикально изменяющиеся процессы, состояния и свойства больших социальных групп и российского общества в целом, с которыми связаны изменения в психологии личности и многочисленных малых групп (семьи, друзей, первичных учебных и трудовых коллективов и т. д.). В контексте данного изменения парадигмы психологической

науки хочется назвать исследования Б. Д. Парыгина (2003), где в центре внимания автора — динамическая структура личности, рассматриваемая в противопоставлении структуре статической, и психология социально психологических состояний, опосредующих взаимосвязь личности и деятельности.

Отдельно на принципиальных изменениях парадигмального характера в социальной психологии останавливается А. Л. Журавлев. По его мнению, они состоят в том, что на смену доминировавшей *парадигме воздействия социальной среды* на психологию личности и группы приходит *парадигма взаимодействия психологических и непсихологических* (экономических, политических, организационно-управленческих, административно-правовых и др.) *факторов*. Такое взаимодействие различных феноменов-факторов может быть чрезвычайно сложным многообразным, а психологические факторы при этом оказываются как ведомыми и паритетными, так и доминантными, ведущими т. п. Принципиально важно то, что психология человека может не только отражать природные и социальные условия его жизнедеятельности, но и решающим образом определять, формировать, конструировать их в соответствии с особенностями индивидуального, группового и общественного сознания. В этом состоит преимущественная *созидательная функция* психологии современного человека.

В докладе А. Л. Журавлева [Журавлев, 2007] на примере исследований ИП РАН дана развернутая характеристика основных особенностей развития российской психологической науки в начале XXI в. В качестве структурной основы своего анализа А. Л. Журавлев избрал ряд дифференцирующих признаков науки, принятых в науковедении: объект, методы науки и пр.

Современное развитие психологической науки по объектам исследования характеризуется тем, что основные и типичные для психологии объекты дополняются новыми и нетипичными. В качестве объектов исследования выступают, например, занятые новыми профессиональными видами деятельности работники, пользователи современной техники и высоких технологий, ветераны боевых действий, учащаяся и работающая молодежь, деловые женщины, наемные работники и руководители организаций, предприниматели российских регионов, матери наркозависимых детей, дистинктивно ведущая себя категория людей и др.

При этом преимущественно представлен анализ необычных, нетипичных, нестандартных явлений, свойственных социальной действительности, т. е. в исследованиях отражены реалии российского общества на современном этапе его развития. Эти явления с некоторой степенью условности можно обозначить как *социальные и психологические отклонения (девиации)*. Например, сюда могут быть отнесены:

- психологические травмы, посттравматические стрессовые расстройства, вызванные участием в боевых действиях;
- социально-психологические корни терроризма, личностные характеристики и психологические особенности поведения террористов;
- наркозависимое поведение представителей разных возрастных категорий.

Как объекты исследования, так и изучаемые феномены свидетельствуют о высокой социальной, в том числе практической релевантности психологической

науки. Многие темы и проблемы психологических исследований не просто связаны с жизнью современного российского общества, но зачастую они формулируются из нее, инициируются и ставятся самой жизнью как актуальные и требующие специального психологического анализа.

В то же время ясно обозначилась уже потребность в некоем «возврате» психологов-исследователей к изучению психологии «нормального» человека, занятого производительным трудом, к исследованию массовых профессий, «забытых» первичных трудовых коллективов и многого другого, исторически традиционно для отечественной психологии, прежде всего промышленной, педагогической, семейной и т.д. Этой потребности соответствует и новая актуальная тенденция обращения исследователей к позитивным психологическим феноменам: от психологии манипуляции, зависимости и пр. до психологии доверия, счастья, удовлетворенности.

В развитии методов психологического исследования можно отметить ряд четко выраженных тенденций. Во-первых, это тенденция их интегрирования, основанного прежде всего на принципе взаимного дополнения. Во-вторых, поиск оригинальных способов организации исследования и разработка целостных исследовательских программ, включающих как сбор первичных данных, так и последующий их анализ. В-третьих, интеграция или, как минимум, взаимное дополнение качественных и количественных методов исследования, идеографического и номотетического подходов и в целом естественнонаучной и гуманитарной парадигм в исследованиях психического и т.д.

Крупными работами методического содержания, выполненными в ИП РАН за последние годы, являются следующие:

- опросник В.М. Русалова, направленный на оценку свойств темперамента и получивший широкую известность и реальное использование в исследованиях других психологических лабораторий и кафедр России;
- оригинальная методика В.П. Морозова по оценке искренности/неискренности говорящего, получившая в качестве изобретения патент РФ;
- теоретические принципы и метод историко-психологической реконструкции явлений, характерных для конкретных исторических периодов развития общества, разработанные В.А. Кольцовой;
- теоретические модели и комплекс адаптированных и оригинальных методик клинико-психологической диагностики посттравматического стресса, систематизированных и апробированных Н.В. Тарабриной с коллегами, и др.

В качестве важной тенденции А.Л. Журавлев называет интенсивное развитие различных видов междисциплинарных исследований.

Первый вид междисциплинарных исследований — *внутрипсихологический*, включающий исследования на границах различных отраслей психологии, что стало наиболее характерным в настоящее время. Имеются в виду такие уже сформировавшиеся научные направления, как:

- исследования социального и эмоционального интеллекта, выполняемые на границах таких психологических отраслей, как психология интеллекта и социальная психология (Д.В. Ушаков, Д. Люсин);

- интеллект и креативность в межличностном взаимодействии — тема, интегрирующая психологию интеллекта, креативности и социальную психологию (А. Н. Воронин);
- исследования различных видов зрелости человека: личностной, интеллектуальной, эмоциональной, профессиональной, нравственной, социально-психологической и др., выполняемые на границах психологии развития с целым рядом других психологических отраслей: психологией личности, психологией труда, социальной психологией и т. д. (В. А. Бодров, А. Л. Журавлев, В. М. Русалов, Е. А. Сергиенко и др.);
- исследования субъективного качества жизни, включая качество трудовой жизни, субъективное экономическое благополучие и т. п., объединяющие социальную и экономическую психологию, психологию личности и психологию труда (Г. М. Головина, В. Б. Рябов, Т. Н. Савченко, В. А. Хащенко и др.);
- психологические исследования структуры, динамики и детерминации социальных представлений личности и группы, выполняемые на границах социальной психологии и психологии личности (К. А. Абульханова, М. И. Воловикова, Т. П. Емельянова, В. А. Хащенко).

В качестве одного из развивающихся направлений А. Л. Журавлев называет социальную психофизиологию, которая возникает в результате интеграции нейронаук и психофизиологии, с одной стороны, и социальной и когнитивной психологии — с другой. Эта интеграция способствует формированию в более широком смысле социальной когнитивной нейронауки. Интеграция психофизиологии и экономической психологии в исследовании психофизиологических основ экономического поведения позволяет подойти к формированию социально-экономической психофизиологии как научного направления и т. д.

Второй вид междисциплинарных исследований — *внешнепсихологический*, т. е. они выполняются на стыках психологической науки с социальными, медицинскими, техническими и другими науками. В рамках этого подхода интенсивные исследования ведутся в таких отраслях психологии, как психолингвистика, организационная психология и психология управления, историческая психология, экономическая психология, этническая психология, психоонкология, или психосоциальная, поведенческая онкология и др., сформировавшихся именно на соответствующих границах психологии с лингвистикой, наукой об управлении (менеджментом), историческими и экономическими науками, этнологией, онтологией и др.

Задаваясь вопросом о том, в каких направлениях целесообразно развивать в дальнейшем междисциплинарные исследования внешнепсихологического уровня, А. Л. Журавлев обращается к «белым пятнам» на границах психологии с другими социо-гуманитарными науками. В докладе обосновывается необходимость развития психологических исследований на границах, прежде всего, с этикой и регионалистикой (или регионоведением). Если современная этическая психология развивается уже достаточно хорошими темпами, в том числе и в ИП РАН (имеются в виду исследования М. И. Воловиковой, Т. П. Емельяновой, Е. Н. Резникова и др.), то психологические исследования, учитывающие региональный фактор, по-прежнему остаются единичными. И такое состояние региональной психологии имеет

место на фоне чрезвычайно интенсивного развития регионоведения и регионалистики — междисциплинарных научно-практических направлений, в разработку которых сегодня включены историки, экономисты, филологи, социологи, политологи и специалисты других социо-гуманитарных наук, но явно в меньшей степени — психологи.

В связи с развитием междисциплинарных исследований внешнепсихологического уровня необходимо отметить и постепенно растущую востребованность психологического знания представителями многих смежных наук, особенно при разработке комплексных проблем человека и отдельных социальных групп, а в последние годы и общества в целом. Для обозначения этой тенденции А.Л. Журавлев предлагает использовать понятие «междисциплинарная релевантность» психологической науки и говорить о возрастании этой релевантности.

В докладе отмечается интересный факт формирования и т.н. *внепсихологического уровня* междисциплинарных психологических исследований, выполняемых в рамках других (непсихологических) наук, и формирования в них целой сети психологических отраслей и специальностей, таких как:

- инженерная психология в рамках технических наук, ставшая внешнепсихологическим «первенцем», состоявшимся именно благодаря фундаментальным инженерно-психологическим работам Б.Ф. Ломова и в целом научной школы Б.Г. Ананьева;
- клиническая психология в системе медицинских наук;
- социальная психология в системе социологической науки;
- «психофизиология», имеющая сегодня особые позиции благодаря вхождению в структуру сразу трех наук: психологических, медицинских и биологических.

Это уже актуальная тенденция современного этапа развития психологической науки, в рамках которого организационная психология приобретает внешнепсихологический междисциплинарный статус «Организационного поведения», а экономическая психология утверждается как «Поведенческая экономика» в экономических науках. Безусловно, исследования Б.Ф. Ломова, В.Ф. Рубахина и др. в области психологии управления, а также крупные работы Института психологии РАН последних лет по экономической психологии (А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко, Ал.Н. Лебедев, В.П. Позняков, В.А. Хашенко и др.) способствовали закреплению и развитию данной тенденции.

Важной особенностью в развитии российской психологии, отмеченной в докладе А.Л. Журавлева, является то, что наряду с освоением новых для российской психологии теоретических подходов, большинство фундаментальных исследований сохраняют преемственность по отношению к отечественной традиции. Так, важной характеристикой психологических исследований ИП РАН является то, что они развиваются в рамках сформировавшейся научной школы, основателем которой является Б.Ф. Ломов, и справедливо называемой «ломовской», «ленинградско-московской», «ИПРАНовской» и т.п.; она в свою очередь базируется на достижениях известных научных школ Б.Г. Ананьева, В.М. Бехтерева, В.Н. Мясищева, С.Л. Рубинштейна. Для современной научно-исследовательской деятельности Института характерны *«научная преемственность и приверженность традициям»*.

В этом состоит *историческая релевантность* психологических исследований в ИП РАН», как отмечено в докладе [Журавлев, 2007, с. 1].

А. Л. Журавлев подчеркнул, что свидетельством сегодняшнего внимания к истокам и различным этапам формирования научной школы ИП РАН являются две серии научных изданий, первые выпуски которых были подготовлены издательством «Институт психологии РАН» к данному юбилею: первая — это «Выдающиеся ученые ИП РАН», начало которой положили издания важнейших трудов К. К. Платонова, А. В. Брушлинского, В. Б. Швыркова, Б. Ф. Ломова и В. Н. Дружинина; вторая — «Научные школы ИП РАН», в которой вышел в свет большой труд, подготовленный под руководством Д. В. Ушакова и посвященный исследованиям психологии творчества — Школе Я. А. Пономарева. Все эти работы выполняют методологические функции в организации современных исследований в ИП РАН.

О сохранении преемственности в развитии современной российской науки говорит и А. Н. Ждан: «Сложившиеся в советский период концепции продолжают определять ситуацию в области научных исследований и в преподавании» [Ждан, 2006, с. 70].

А. Л. Журавлев в цитируемом докладе наряду с исторической релевантностью отметил высокую социальную релевантность психологических исследований ИП РАН, их значимость для развития психологической науки и общественной практики, а также баланс теоретических, эмпирических и ориентированных на практику исследований, достигнутый благодаря следованию методологическому принципу единства теории, эксперимента и практики, обоснованному в трудах Б. Ф. Ломова.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что российская психологическая наука преодолела к настоящему времени существенную часть негативных тенденций, которыми были отмечены 90-е годы, и движется по пути развития, сохраняя преемственность по отношению к достижениям прошлого и избавляясь от былых ограничений и недостатков. В этой связи в качестве первоочередной видится задача ее полноценной интеграции в контекст мировой науки, пути решения которой остаются предметом разногласий. А. Н. Ждан отмечает: «В современной России психологи предпочитают говорить о единой науке, не подразделяя ее на «нашу», отечественную, и западную» [Ждан, 2006, с. 69]. С этим нельзя не согласиться. Однако несимметричность идущих процессов интеграции с зарубежной психологией заставляет задуматься о том, каким будет место и значение отечественной науки в контексте мировой психологии? Войдем ли мы туда как «развивающаяся» провинция или как самобытное направление, как одна из великих школ XX века?

1.4. О мотивах и проблемах интеграции отечественной психологии в мейнстрим

Вопрос о месте российской психологии в мировой науке и неразрывно с ним связанный вопрос об интеграции в мировой мейнстрим сегодня мало кого оставляют равнодушными, тем более что формальные оценки результатов деятельности отдельных российских ученых и коллективов все в большей степени «привязываются» к наличию или отсутствию публикаций в иностранных журналах и ссылок

в них на труды россиян. Адекватность такого рода критериев, как и в целом необходимость жесткой ориентации на мейнстрим, закономерно вызывают сомнения среди российских психологов и требуют анализа, который представлен в ряде публикаций [Мироненко, 2005; 2007; Сироткина и Смит, 2008; Юревич, 2008; 2009; 2010]; среди них мы особо отметим работы А. В. Юревича, где проблема путей интеграции и применимость выше названных критериев для оценки деятельности российских ученых рассмотрены в широком контексте социальных процессов, происходящих в профессиональном сообществе.

А. В. Юревич отмечает, что в настоящее время среди российских психологов имеют место как «глобалистические», интеграционные, так и «контрглобалистические», изоляционистские, тенденции: «Прямолинейный западцентризм, предписывающий российской науке интегрироваться в западную путем стирания национальных особенностей российской науки, дополнился столь же прямолинейным игнорированием необходимости примыкать к мировому мейнстриму» А. В. Юревич [Юревич, 2010 б, с. 55].

Более того, в настоящее время «контрглобалистические» тенденции в российской психологической науке усиливаются: «Патриотическая волна последних лет, как водится у нас, принеся антизападнические настроения, породила новые установки в отношении интеграции отечественной науки в мировой мейнстрим. Наиболее радикальные из таких установок состоят, например, в том, что нам нет нужды стремиться к интеграции в западную науку, — напротив, ей надлежит проявлять большее внимание к российской науке; <...> не нам следует учить иностранные языки, чтобы публиковаться в международных журналах, а зарубежным ученым надлежит изучать русский, чтобы читать российские научные журналы и т. п.» [Юревич, 2010 б, с. 55].

Трудно не согласиться с выводом А. В. Юревича о том, что «очевидна неадекватность обоих видов прямолинейности, напоминающих два крайних положения маятника» и что так же очевидна «необходимость как сохранения наиболее плодотворных национальных особенностей российской науки, так и ее интеграции в мировой мейнстрим», т.е. что целесообразно соблюдение «принципа *оптимума интеграции*» [Юревич, 2010 б, с. 55].

Однако каким должен быть этот оптимум, что следует учитывать при попытках определить этот оптимум, — остается предметом дискуссии. По этому вопросу я и хочу поделиться своими соображениями.

Зачем российской психологии интеграция в мейнстрим? Зачем и кому это нужно (или не нужно) в разнородном российском профессиональном сообществе? Какие идеалы и какие интересы стоят за «глобалистическими» и «контрглобалистическими» тенденциями?

Попытаемся выделить в нашем профессиональном сообществе группы, интересы и идеалы которых представляются более-менее однородными в отношении интеграции с мейнстримом.

В литературе уже обсуждалось различное отношение к мейнстриму отдельных типов ученых: «местников» и «космополитов» [Kornhauser, 1962]; «цеховиков»,

научное знание производящих, и «презентаторов» [Плюснин, 2007]. Мы не будем рассматривать подобные типологии, применимые к представителям любой науки, любой страны и любого времени, а примем за основание для разделения российских психологов на группы в контексте вопроса об интеграции в мейнстрим особенности их теоретико-методологических ориентаций.

Какие же группы, какие «интеллектуальные пространства», представляется возможным сегодня выделить в российском профессиональном сообществе? Какова структура этого сообщества в контексте нашей проблемы?

Современное нам профессиональное сообщество сложилось на развалинах советской психологической науки, которая в 60-е — 80-е гг. XX века достигла состояния парадигмы⁶.

С падением советского государства были сняты идеологические и другие искусственные барьеры на пути развития психологии, которая в советское время отчасти насильственно удерживалась в русле монометодологического течения, естественнонаучного по своей ориентированности и основанного на марксистской философии, с приоритетом фундаментальных теоретико-методологических исследований.

В это же время перед психологами открылись новые горизонты профессиональной деятельности, хорошо обеспеченный финансово рынок психологических услуг потребителю. На фоне сворачивания программ фундаментальных исследований произошел бум в области психологического образования и психологической практики, который с неизбежностью сопровождался радикальными изменениями в подготовке специалистов и выходом на рынок психологических услуг людей, уже никак не связанных с советской российской психологической школой. В монографии «Психологическая наука в России в XX столетии», подготовленной ИП РАН, разнообразие форм и содержания подготовки психологов специально отмечается как существенная характеристика постперестроечного периода в развитии психологии в России.

Таким образом, большая часть современного российского психологического сообщества к парадигме, сложившейся в советской психологии, прямого отношения уже не имеет. Достаточно вспомнить, что в 1984 г. в России психологов выпускали три университета (девять в СССР) и в весьма ограниченном количестве, а в 90-е годы уже более 300 ВУЗов России ежегодно выпускали более 5000 психологов.

Какая часть современного профессионального сообщества владеет ТОЙ теорией и методологией? Очень небольшая. Фактически, овладеть ТОЙ теорией

⁶ «В результате многолетней работы в русле единой системы в советской психологии сложился общий методологический каркас, который выступал в качестве парадигмы, задающей направления развития, нормы и стратегию проведения исследований. Этот каркас обеспечивал интеграцию и систематизацию данных, полученных учеными, представляющими различные подходы и отрасли. Методологическое единство и системность организации советской психологии не только не исключали разнообразия различных теоретико-эмпирических подходов и концепций и их полемику, но наоборот, обеспечивали возможность сопоставления данных, полученных в рамках разных школ, существующих в едином методологическом пространстве» (Психологическая наука в России в XX столетии, ИП РАН, 1997).

и методологией можно было, только приняв ее «из рук в руки» от учителей, учитывая то, какую роль играла в психологическом образовании в советский период устная традиция, когда психологи не учились по учебникам, а монографии, по которым они учились, были написаны «эзоповым» языком. Тексты наших классиков, за редким исключением, не «открываются» при прочтении случайным человеком, они писались в расчете на герменевтику, на чтение совместно с учителем, о чем неоднократно указывалось в литературе.

ТОЙ теорией владеет сегодня очень небольшая часть профессионального сообщества, те, кто был этому специально обучен. При этом не все из этих людей остаются на прежних методологических позициях, так что численность этой группы не только не велика — она уменьшается.

Тем не менее первая группа, которую мы выделяем здесь — группа последователей субъектно-деятельностного подхода, как мы ее назовем; она немногочисленна, что не уменьшает ее значимости в контексте обсуждаемой проблемы.

Как классифицировать остальных?

С крушением парадигмы, на фоне сочетания процессов слияния с мировой наукой и разрушения единства отечественного профессионального сообщества российская психология впала в кризис, распалась и развалилась, так что кажется уместным цитировать слова Н. Н. Ланге, сказанные более ста лет тому назад: «...крайнее разнообразие течений, отсутствие общепризнанной системы науки, огромные принципиальные различия между отдельными психологическими школами... Ныне общей, т. е. общепризнанной системы в нашей науке не существует. <...> Психолог наших дней подобен Приаму, сидящему на развалинах Трои» [Ланге, 1882, с. 110].

В отличие от известного кризиса мировой науки, после перестройки в России оригинальные новые, яркие направления не многочисленны. Доминировала, особенно в 90-е годы, ориентация на те или иные направления в зарубежной науке. Мы здесь назовем их последователей «западниками» и выделим в отдельную группу.

Из новых оригинальных, российских по своим корням направлений, развившихся в постперестроечный период, назовем христианскую православную, или религиозно-философскую, психологию, которая мощно развивается сейчас, продолжая традиции направления, существовавшего в России в досоветский период.

Таким образом, выделяются три группы ученых, три «интеллектуальных пространства»:

- последователи субъектно-деятельностного подхода,
- последователи национально-специфических теорий («славянофилы»),
- последователи зарубежных школ («западники»).

Заметим, что структура, которая у нас получилась, в большой степени напоминает структуру направлений развития психологии в России в досоветский период, как ее описывает В. А. Кольцова [Кольцова, 1997, 2002]:

- естественно-научное направление («экспериментальная» психология), на основе которого в дальнейшем развивалась психология в советский период;

- эмпирическая психология, для которой характерна ориентация в большей мере не на национальную традицию, а на современные ученым данного направления европейские концепции и методы исследования психического;
- религиозно-философская психология, основанная на идеях и положениях русской богословской и религиозно-философской мысли.

Рассмотрим вопрос об интересах, идеалах и проблемах интеграции с мейнстримом, имея ввиду наше разделение на «интеллектуальные пространства» российского профессионального сообщества.

Последователи зарубежных школ, «западники». Глобалистические тенденции здесь заложены естественным образом. Именно эта группа составила основную массу лавинообразного приращения психологического сообщества в 90-е гг., что в не малой степени объясняется мощным выбросом переводных зарубежных учебников на рынок психологического образования, который бурно разрастался в тот период.

Наращение контрглобалистических тенденций в современной России отчасти имеет в своей основе разочарование многих из этих людей, которое постигло их при попытке выхода на Запад. Их исследования на Западе не вызывают интереса, журналы их не печатают. И дело не в том, что Западу не интересна жизнь в России, а в том, что уровень многих статей не соответствует требованиям журналов. Это не удивительно, так как существенная часть этой группы ученых изучала иностранные теории по переводным учебникам и пересказам, современных западных журналов не читает и потому не может соответствовать сложившемуся там дискурсу. Можно согласиться с А. В. Юревичем, что «скрытая» от Запада советская психология была Западу более интересна, чем современная, «широко открывшаяся ему», однако, причина интереса — не в скрытости или открытости, а в том, что именно мы Западу показываем.

Многие из тех, кто в 90-е ориентировался на западные школы, сегодня ищут новые идеалы.

Однако примеров успешной интеграции среди «западников» достаточно много, и если говорить о публикациях в иностранных журналах как о показателе качества работы ученого, в отношении данной части нашего сообщества этот показатель представляется адекватным.

Последователи национально-специфических теорий. Растущей численностью отличается другая часть профессионального сообщества, которую мы обозначили здесь как «славянофилы». Христианская православная, или религиозно-философская, психология, ряды сторонников которой сегодня ширятся, развивает традиции, заложенные в российской психологии досоветского периода. Это совершенно оригинальное направление в мировой науке, тесно связанное с российской культурой, ориентированное в своей практике на обширный российский рынок, а в своей теории основывающееся преимущественно на русскоязычных источниках и апеллирующее к российской ментальности.

Глобалистических тенденций среди представителей этого направления не наблюдается. Контрглобалистические — сильны.